



Олег Владимирович Кашин
Власть. Монополия на насилие
Серия «Кремлевский диггер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17683438

Олег Кашин. Власть. Монополия на насилие: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0201-5

Аннотация

Известный журналист, фигурант многих политических скандалов и человек готовый пострадать за свою активную гражданскую позицию. Ему нечего скрывать и он готов рассказать правду о том, что происходит в нашей стране на самом деле, чьи интересы обслуживают чиновники. На чьей стороне выступают суды, и кому на самом деле служит полиция.

Сегодня, когда на смену политехнологиям все чаще приходят дубинки наемных головорезов, немногие журналисты готовы в открытую исполнять свой профессиональный долг – говорить правду. Новая книга Олега Кашина даст ответ на многие вопросы, которые не решаются задать другие журналисты.

Содержание

Книга первая	5
Книга вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Олег Кашин

Власть. Монополия на насилие

© Кашин О. В., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Книга первая

23 сентября 2011. 25-летней давности черно-белый клип «Аквариума» с паровозом, на котором музыканты едут мимо мрачных кадров советской кинохроники, для меня и, я думаю, не только для меня, остается самым красивым символом перемен, случившихся с Россией в конце восьмидесятых. Прошлой осенью БГ впервые с тех пор стал петь «Поезд в огне» на концертах. На каждом – уже в конце, когда группа уже выходит на бис. Возвращение этой революционной песни в прошлом году очень сильно меня впечатлило. В прошлом году я по 31-м числам ходил на Триумфальную площадь, писал о Химкинском лесе и вообще о «моде на протест», и то, что БГ снова запел «Поезд в огне», я воспринимал тоже как верный признак того, что в стране вот-вот что-нибудь изменится.

«Хватит ползать на брюхе, мы уже возвратились домой», – наверное, это было бы дурновкусием, но этот саундтрек вполне можно было бы сопроводить видеороликом, в котором анархисты бьют окна в химкинской администрации, демонстранты дерутся с ОМОНОм, а Алексей Навальный пишет в ЖЖ очередной пост, разоблачающий коррупционеров.

Прошлой осенью я чуть ли не в каждой политической колонке цитировал «Аквариум» без кавычек и ссылки на источник, чтобы редакторы не думали, что я какой-то сумасшедший фанат.

Сегодня на концерте «Поезда в огне» не будет, БГ говорит, что перед выборами ему кажется неправильным, цитирую, «махать флагом, причем никуда не призывая». Я не думаю, что выборы имеют здесь какое-то значение, но, пожалуй, я тоже был бы не рад слышать «Поезд в огне» теперь, когда нет уже ни протеста, ни моды на него, ни каких бы то ни было надежд и ожиданий.

Не на что больше жать и некуда больше бежать до такой степени, что даже напоминать об этом кажется уже лишним, и так все понятно. Вероятно, именно поэтому мы с друзьями смеемся теперь над той же Чириковой, которая по-прежнему бросается под бульдозеры лесорубов, как будто это что-то изменит.

Наверное, глупо воспринимать популярную музыку с точки зрения происходящего в стране, но «Аквариум» почему-то к этому очень располагает. У нас вообще ведь так принято, чтобы Шевчук – на «Марше несогласных», Алла Пугачева – на съезде «Правого дела», Вадим Самойлов – на кремлевском корпоративе. Бориса Гребенщикова в равной мере можно представить и там, и там, и там, но это не имеет никакого значения – все его песни о том, что все, происходящее вокруг, ничего не значит.

Ждать нового альбома и концерта «Аквариума» приятнее, чем ждать очередного съезда «Единой России». Какая разница, кого они там поставят во главе своего списка – «мы смотрим на дым из трубы, и голубь благодати встает на дыбы», и это гораздо важнее.

12 сентября 2011. После крушения Як-42 под Ярославлем снова все стали требовать отставки министра транспорта Игоря Левитина.

Это уже такая традиция – когда тонет пароход, падает самолет или еще что-нибудь такое происходит, требовать отставки Левитина. Как будто, если завтра этого Левитина заменят на какого-нибудь другого человека, на какого-нибудь ветерана санкт-петербургской мэрии, что-нибудь изменится.

Поэтому я ничего не буду говорить о Левитине, лучше расскажу про калининградский зоопарк. Вы вряд ли следите за тем, что в этом зоопарке происходит, а между тем за один только август там умерли семеро кенгуру, самка карликового бегемота и маленький бизон. Почему они умерли, никто точно не знает. Вроде бы что-то не то съели. Может быть, кто-то из посетителей дал кенгуру какую-нибудь несвежую булку. Комментируя эти потери, дирек-

тор зоопарка Людмила Анока заявила журналистам, что не видит в случившемся никакой трагедии, потому что на свете нет ничего вечного, смертны даже люди, чего уж там говорить о животных. Между прочим, Людмила Анока больше не директор зоопарка. Калининградский мэр уволил ее вот за этих семерых кенгуру, бегемотиху и бизончика.

Вы только не подумайте – я совсем не хочу проводить параллелей между директором зоопарка, у которого умирают звери, и министром транспорта, у которого падают самолеты. Между Людмилой Анокой и Игорем Левитиным нет ничего общего, это совершенно разные кадры.

Кстати, вы знаете откуда взялся лозунг «Кадры решают все»? Впервые его использовал, конечно, Сталин в одной своей речи, и, для того чтобы объяснить, зачем этот лозунг понадобился, он рассказал такую байку из своей жизни. Однажды в сибирской деревне, в которой Сталин отбывал ссылку, тридцать мужиков ушли на реку, а когда вернулись, их оказалось на одного меньше. Сталин спросил, где, мол, тридцатый. Мужики ответили: «А черт его знает, утонул, видимо», – и стали обсуждать, что надо бы успеть напоить кобылу. По словам Сталина, он упрекнул мужиков в том, что скотину они жалеют больше, чем человека. Мужики ответили: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу».

Эта формула объясняет, почему за кенгуру в России увольняют, а за людей нет. «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кенгуру... попробуй-ка сделать кенгуру». Но я не понимаю, почему мы до сих пор живем по этой формуле.

21 октября 2011. Вчера, когда Дмитрий Медведев на журфаке МГУ встречался с активистами прокремлевских молодежных движений, а студенток журфака, встречавших президента с плакатами типа «Почему вы сидите в «твиттере», а Ходорковский – в тюрьме?» задерживали полиция и ФСО, один мой товарищ, оппозиционный активист с неприлично большим стажем, издевался в своем микроблоге над недовольными происходящим студентами журфака. Он писал им, что автобус с задержанными студентками все еще стоит на Манежной, их даже никуда не увезли, и если другие студенты вместо того, чтобы бежать на выручку, жалуются на происходящее у себя в блогах, то, значит, это плохие студенты, которые вообще ни на что в этой жизни не способны.

Я не учился на журфаке, и поэтому слабо представляю себе, как бы вел себя в этой ситуации я, если бы был студентом. Я помню случаи, когда на митингах толпа не отдавала омоновцам тех, кого они пытались задержать, но не помню, чтобы кому-нибудь удавалось освободить задержанных из автозака, тем более, что это было бы уголовным преступлением, чреватым для его участников большими тюремными сроками. Но вообще эта картинка – автобус с задержанными ни за что студентками стоит у ворот факультета, и никому до этого нет дела – она ведь действительно удручающая, так не должно быть, но при этом так есть, а по-другому у нас не бывает.

Культуры студенческих волнений, студенческих беспорядков в России просто нет. 1968 год на десятилетия вперед определил облик Европы и Америки, а у нас принадлежность к студенчеству – это либо такая мигалка для молодых, показатель статуса, либо вообще черт знает что, способ откосить от армии. По этой причине российское студенчество – такая же опора стабильности, как и те полицейские, которые сажали в автозак студенток с плакатами.

Оппозиционеры могут сколько угодно рассуждать по поводу того, что нужно делать, чтобы в стране что-то начало меняться, и наступающие двенадцать путинских лет – это даже здорово, у всех будет время порассуждать о чем угодно. А единственной силой, которая сможет всерьез трепать власти нервы, так и останутся те милые люди, которые 4 ноября выйдут на «Русский марш».

13 октября 2011. «Зеленая козявка, зеленая сопля, для челяди кремлевской ты шлюха в три рубля», – этот текст вчера цитировали информагентства, отдельно отмечая строчку «там сидит сурок в траве», в которой можно было разглядеть намек на заместителя главы кремлевской администрации Владислава Суркова. Песню про козявку, посвященную телеканалу НТВ, спел гитарист группы «Чайф» Владимир Бегунов. Музыканты «Чайфа» дружат со своим земляком – основателем фонда «Город без наркотиков» Евгением Ройzmanом, про которого канал НТВ показывал разоблачительный фильм после разгрома партии «Правое дело», формальным поводом для которого была давняя судимость Ройзмана.

И вот с помощью песни про козявку Бегунов отвечает НТВ, демонстрируя тем самым свою гражданскую позицию, противоположную той, которую занимает телеканал.

Когда политические оппоненты поют друг про друга песни, а не дерутся – это вообще-то здорово, поэтому высказывание Бегунова, наверное, стоило бы поприветствовать. Собственно, это и происходит – вчера в блогах я прочитал много восторженных слов о Бегунове, который не побоялся сказать правду в лицо НТВшным клеветникам и «сидящему в траве сурку». И я даже согласился бы с теми, кто сегодня восхищается Бегуновым, но при одном условии – если бы его песня про козявку была хотя бы чуть-чуть менее пошлой и бездарной. Но стоит, наверное, предположить, что непошлой и небездарной оппозиционная песня быть не могла, потому что если в песне первична «идеологическая» составляющая – все прочие ее качества куда-то отступают.

Дело, наверное, в том, что у нас почему-то не все понимают, что если песня плохая, но при этом идеологически выдержанная, плохой она от этого быть не перестанет.

В прошлом году, я помню, на ежемесячные демонстрации 31 числа регулярно приходила бывшая радиоведущая Катя Гордон, которая теперь поет. Поет она, на мой вкус, ужасно, но при этом у нее есть песня про 31-е число, и несколько раз на этих митингах она выходила на трибуну и пела эту песню. И оппозиционеры, стоявшие рядом, радовались этой песне, потому что песня – в поддержку оппозиции. Оппозиционеры почему-то не понимают, что идеологический посыл песни не имеет значения, если песня плохая. Она ведь все равно плохая, даже если в ней поется, что третий срок Путина стране не нужен, а Ходорковского нужно срочно выпустить из тюрьмы.

Сейчас никто не спорит с тем, что российское общество расколото, а его единство носит фантомный характер. Но как именно оно расколото – мало кто понимает. «За Путина», «против Путина», «за Кремль», «против Кремля» – это слишком неточные обозначения, которые в действительности мало что объясняют.

Мне кажется, более точным было бы разделение политически активных граждан по принципу наличия и отсутствия вкуса, потому что критерий «пошляк» или «не пошляк» имеет гораздо более серьезное значение, чем любая идеологическая окраска.

И вот по этому критерию все эти песни про козявок и прочее отправились бы туда же, где уже сидят, ну не знаю, режиссеры последнего съезда «Единой России». Но самое ужасное – я не знаю, кто остался бы в пространстве, свободном от пошлости. Подозреваю, что никого бы не осталось.

11 октября 2011. Вечнозеленая тема парадных фотографий на сайте kremlin.ru – Дмитрий Медведев фотографируется со свеженагражденными деятелями искусств, бизнеса и прочего. В этот раз хитом стоит считать фотографию президента с Геннадием Хазановым, которому только что дали орден.

Наверняка кто-то сочтет эту фотографию крайне символичной, потому что в нашей стране грань между политиками и эстрадными юмористами практически полностью стерлась. Монолог студента кулинарного техникума часто неотличим от тех речей, которые мы слышим в новостях, но я бы не стал на этом спекулировать, потому что такая фотография

могла появиться и в прошлом году, и в позапрошлом, и при Путине, и при Ельцине, и вообще когда угодно.

На груди Геннадия Хазанова вообще много орденов, и если бы только на его груди – каждый сколько-нибудь заметный человек из телевизора раз в несколько лет, а кажется, что и чаще, становится героем этих протокольных мероприятий. Банкир Костин, олигарх Мордашов, губернатор Ткачев – все они пришли за орденами не первый раз и не последний, а те, кто нарушает устоявшийся порядок, то есть люди менее знаменитые, вносят в церемонию награждения такое милое оживление. Директорша парфюмерной фабрики, подарившая Медведеву взамен ордена флакон духов своего производства, заставляет вспомнить о традициях передачи «Поле чудес» и снова улыбнуться – как и при появлении Хазанова.

Может быть, самой одиозной советской традицией была вот эта система награждений – когда о статусе писателя или музыканта можно было судить не по тиражам книг и не по собранным залам, а по количеству орденов, врученных к юбилеям. По количеству и по качеству, конечно. «Иван Иванычу дали «Знак Почета», хотя он ждал «Трудовое Красное Знамя», – значит, что-то не в порядке, значит, есть над чем задуматься.

Система разноцветных штанов и вставляемых в ноздри колокольчиков, воспетая фильмом «Кин-дза-дза», оказалась гораздо более живучей, чем многие другие советские иерархические признаки.

Когда-то титул народного артиста чем-то ощутимо помогал творчеству, открывал какие-то двери, снимал многие проблемы. Сейчас вроде бы рынок, и нужды в разноцветных штанах вроде бы нет, но ордена и почетные звания раздаются так же радостно, как и при Брежневле (сравнение с которым, как теперь известно, идет не в минус, а в плюс). И даже странно – вроде бы, за границей артистов тоже награждают, Элтон Джон или Пол Маккартни – вообще сэры, но когда ордена артистам раздают у нас, это почему-то больше похоже на повесть Войновича «Шапка», чем на сэра Элтона Джона.

Наверное, стоит подумать о том, чтобы выдать орден «За заслуги перед Отечеством» всех степеней сразу всем гражданам Российской Федерации. Когда ордена окончательно обесценятся, никто никому не будет завидовать и никто не будет переживать, что одного наградили, а другого нет. Жить в России станет хоть чуть-чуть, но счастливее. А счастье – оно ведь дороже любых орденов.

16 ноября 2011. Отец Всеволод Чаплин наверняка будет недоволен, но слово «ад» в последнее время каждый день, а то и чаще, становится единственным возможным описанием происходящего в России, причем если раньше адом называли, как правило, какие-нибудь теракты, техногенные катастрофы и землетрясения, то теперь этим словом хочется называть буквально все.

Случай с красноярским мальчиком, испортившим вывешенные в школе агитматериалы «Единой России» – это именно что ад. Парня вызывают к директору школы, она сравнивает его с Лениным и говорит, что портить плакаты – это не по-христиански. Ад? Ад.

Но это только начало истории. Директорша не знает, что у мальчика включена камера мобильного телефона, и через несколько часов ее услышат сотни тысяч пользователей YouTube. Но и это еще не все. В обсуждение «антихристианского поступка» включается красноярский вице-губернатор Сергей Пономаренко, который зачем-то пускается в воспоминания о том, как однажды, я процитирую, «за гораздо меньшую провинность» его «публично перед одноклассниками классная руководительница разжаловала из командиров отряда и маникюрными ножницами отпоролла со школьной формы три красные нашивки». И дальше: «Но мобильных телефонов тогда не было, поэтому подленько исподтишка записать это и выложить в сеть я не мог», – пишет вице-губернатор, и новостные издания сообщают об этом честно: «Вице-губернатор обвинил школьника в подлости».

Еще, кстати, вице-губернатор Пономаренко сказал, что если бы ему «пришло в голову нарисовать что-нибудь на лицах членов Политбюро ЦК КПСС – без разговоров выгнали бы из школы», и я специально полез посмотреть, сколько вице-губернатору лет – оказалось, 36, то есть школу он закончил в 1992 году, и из каких глубин генетической памяти всплыло это политбюро ЦК КПСС и учительница с маникюрными ножницами, страшно представить.

При этом они ведь действительно все хотят добра – и мальчику, и себе, и стране в конечном итоге. Я и сам не готов воспринимать эту историю как случай с сознательным юным гражданином, павшим жертвой произвола обнаглевших начальников, – ничего этого нет, есть просто частный случай всепобеждающего безумия, в котором нет ни добра, ни зла, и в котором некому сочувствовать.

Попробуйте пересказать эту историю человеку, который не следит за российскими новостями и не видел, например, как премьер Путин усадил губернатора Савченко в стоматологическое кресло, угрожая ему стоматологическим буром. Попробуйте рассказать об этом человеку, который не в курсе вчерашнего заявления Ольги Романовой о готовящемся убийстве ее мужа при этапировании. Или тому, кто не знает о запланированном на 4 декабря в Москве «зимнем Селигере», – каждый день приносит новости, которые невозможно объяснить с любой человеческой точки зрения, но легко понять, если относиться к ним как к новостям из ада, подчиняющимся логике ада и ничему больше.

7 ноября 2011. В России все праздники странные, но сегодняшний вне конкуренции. Седьмое ноября – День воинской славы России, официальное название – «День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции». При этом годовщину самой революции в России не празднуют официально уже пятнадцать лет, а годовщина годовщины остается праздником, и некоторая абсурдность такого сочетания никого, конечно, не смущает.

Многие уже видели фотографии репетиций сегодняшнего ремейка парада семидесятилетней давности на Красной площади – ряженые солдаты, всадники, дирижабли. Для полноты, конечно, не хватает актера, загримированного Сталиным – Сталин ведь выступал на том параде 70 лет назад. Но пустота вместо главного героя даже дополняет общее ощущение от праздника, окончательно превращая его в такой день антиматерии.

Этот «день воинской славы», как и все другие памятные даты, из которых сегодня состоит российский торжественный календарь, демонстрирует только одну, но очень важную вещь, причем чем больше праздников, тем эта вещь очевиднее: в России нет ничего, что объединяло бы людей, которые здесь живут. Все попытки придумывать какие-то традиции и святыни – все эти попытки проваливались до сих пор и, очевидно, будут проваливаться и впредь. Когда-то, лет десять назад, существовал даже не миф, а труднопроверяемая гипотеза, что таким объединяющим фактором может стать Великая Отечественная война и все, что с ней связано.

Можно предположить, что все дело в том, что к чему бы ни прикасалась официальная российская пропаганда, все автоматически делается нелепым и неприятным, даже слоган «Спасибо деду за победу».

Единственная политическая традиция, которая сформировалась в нулевые и существует уже вне зависимости от того, хочет этого кто-то или нет – это, простите, «Русский марш» каждый год 4 ноября. И эта традиция дает повод даже критически настроенным к нынешнему Кремлю людям вздыхать и говорить, что, к сожалению, только вот такая, как сейчас, путинская ограниченная демократия может остановить этих зигующих подростков, и что если не будет Путина, в России к власти обязательно придут фашисты. Власть

любит этот миф, поэтому «Русский марш» как вечнозеленая страшилка этой власти, конечно, нужен.

Но на самом деле все гораздо проще. Если единственная прижившаяся политическая традиция – это «русский марш», это просто значит, что власть, которая сейчас есть, не может дать стране ничего, во что можно верить и что могло бы объединять людей.

Популярность и массовость «русских маршей» свидетельствует не о силе и популярности националистов, а о слабости и беспомощности власти.

29 февраля 2012. Сегодня, за четыре дня до президентских выборов, мне очень хочется поговорить о группе Дятлова. Вообще-то это очень известная история, в Интернете ей еще задолго до появления блогосферы было посвящено множество форумов и любительских сайтов. Об этой истории написаны книги, фильмы и песни, и, насколько я знаю, снимаются новые фильмы и пишутся новые книги. Но почему-то эта история прошла мимо меня, и я узнал о ней всего несколько дней назад.

Это история о том, как зимой 1959 года девять студентов Уральского политехнического института пошли в лыжный поход через горы и пропали, а потом их нашли мертвыми, и за пятьдесят с лишним лет так никто и не выяснил, по какой причине эти студенты погибли. Уголовное дело закрыли с формулировкой «причиной их гибели явилась стихийная сила, преодолеть которую люди были не в состоянии», и эта формулировка может значить что угодно, а если учесть, что от того похода остались дневники и фотографии, которые давно опубликованы и общедоступны, то любители всевозможных загадок спорят о судьбе группы Дятлова так эмоционально, как если бы студенты погибли не много лет назад, а вчера. История группы Дятлова – это классический хоррор, к которому в зависимости от настроения можно относиться хоть как к «Твин Пиксу», хоть как к «Секретным материалам».

Случайно наткнувшись на рассказ о группе Дятлова, я читал его всю ночь, и потом еще долго о ней думал, и до сих пор думаю. У меня в «твиттере» – 28 тысяч читателей, я поделился с ними ссылкой на эту историю, и теперь радуюсь, наблюдая, как, может быть, каждый второй из этих 28 тысяч начинает читать страшные истории о погибших студентах, и как люди спорят об этой загадке, ругаются между собой и так далее – в общем, все как бывает в Интернете.

Я радуюсь, потому что сейчас, за четыре дня до выборов, мне кажется, самое время увлечься чем-нибудь таким, что гарантированно не окажется кремлевским или антикремлевским проектом.

История группы Дятлова не разгадана и, скорее всего, никогда не будет разгадана, но что само по себе очень здорово – можно быть уверенным, что в этой истории никогда не прозвучит слово «Путин».

Удивительно, но в нынешней общественно-политической обстановке это само по себе становится ценностью, и я очень бы хотел, чтобы «твиттер» обсуждал историю группы Дятлова хотя бы до конца недели. Дольше не получится, но хотя бы еще несколько дней. Потом опять начнется Чуров, митинги, Путин, нашисты, Навальный и прочее. Но пока – пока действительно интереснее поспорить о том, почему именно погибли те семеро парней и две девушки, который 53 года назад ушли в поход в Уральские горы.

20 июня 2012. Комментарии нового патриаршего пресс-секретаря Александра Волкова по поводу присуждения патриарху Кириллу премии «Серебряная калоша» – это такой стандартный набор слов, которые мы в последние месяцы слышали неоднократно: «уподобиться безбожникам начала XX века», «общество окажется гораздо более духовно здоровым», «нанесли вред не личности предстоятеля Церкви, а чудовищный вред своим душам». Эти слова мы слышали много раз, они неубедительны. Такая риторика не работает.

И мне бы не хотелось в нынешних исторических обстоятельствах становиться добровольным помощником патриаршего пресс-секретаря, но я должен сказать, что самое неприятное во всем этом сюжете – то, что неубедительные слова пресс-секретаря не делают героев из организаторов «Серебряной калоши».

Я ушел с этой церемонии, именно, как принято говорить, покинул зал минут, может быть, через двадцать после ее начала, и присуждение награды «господину Гундяеву» застать как раз успел. И если церковь думает, что эпизод с патриархом как-то выделялся из общей стилистики церемонии, то это было бы ошибкой – в контексте происходившего на сцене награждение патриарха часами ничем особенным не отличалось от остального.

Началась церемония с танцевально-песенной истории про нацистку Свету – на сцене плясала девушка в пуховике, изображающая глупую провинциалку. Со Светой танцевали мужчины в омовском камуфляже. Потом еще, – как раз чтобы разбить кувалдой не полученные патриархом часы, – появился актер в рабочем комбинезоне, изображающий «потомственного рабочего «Уралвагонзавода». Вот после этого рабочего, когда на сцену вышел певец, изображающий Всеволода Чаплина, я и ушел, и уже потом в новостях читал об остальных наградах – Владимиру Жириновскому, депутату Милонову, Аркадию Мамонтову. Не знаю, звучало ли со сцены слово «быдло», но не удивлюсь, если звучало.

Это был такой капустник, организаторы которого очень хотели понравиться, условно говоря, «аудитории Болотной площади» – вот просто взяли все самые актуальные темы последних месяцев, от Чурова до полпреда Холманских, и перевели их на язык развлекательного телевидения путинских времен. И вот с языком-то и случилось непредвиденное: на этом языке хорошо шутить про тещу и про геев, а от того, что в шутке про тещу слово «теща» механически заменить на слово «патриарх», шутка острой и смешной не станет. Они хотели поговорить с Болотной площадью на ее языке, но оказалось, что просто не знают никакого языка, кроме своего собственного. И вот именно этим, а вовсе не нанесенным «вредом личности предстоятеля» они нанесли вред своим душам, да и не только своим.

15 июня 2012. Если бы я составлял золотой фонд высказываний российских чиновников – в хорошем смысле золотой фонд, то есть не курьезы, а действительно важные и умные слова, – то в этот золотой фонд я бы обязательно включил слова главы Российского футбольного союза Сергея Фурсенко по поводу задержаний российских футбольных фанатов в Польше. Фурсенко сказал: «Нам всем надо очень сильно задуматься. Выезжая в Европу, мы сталкиваемся с нормальным правовым полем, к которому не привыкли». Речь идет о российских футбольных хулиганах, уже получивших в Польше тюремные сроки в два и три месяца, и тех, кто еще только ожидает решения польского суда.

Это действительно очень важные слова, которые имеют отношение не только к околофутболу, хотя и на нем стоит остановиться чуть подробнее. Я совсем не футбольный журналист и даже не болельщик, за матчами Чемпионата Европы слежу вполглаза, но о футбольных фанатах я писал дважды в жизни. Первый раз – для одного далекого от спорта журнала я писал большую статью о том, что группировки футбольных хулиганов в действительности – это что-то вроде частных силовых структур, некоторые из которых регулярно зарабатывают тем, что берут у прокремлевских молодежных движений подряды на, скажем так, неправомерное подавление оппозиционной активности, и второй раз – в декабре 2010 года после фанатских беспорядков на Манежной площади я писал, что власть вырастила из околофутбола ту силу, которую уже сама не способна контролировать.

И вот теперь эта сила оказалась, как сказал Фурсенко, в «нормальном правовом поле», и к ней уже не Владимир Колокольцев приезжает на переговоры с людьми в масках и не Владимир Путин садится с ними за круглый стол, а скучный польский суд раздает им месяцы тюрьмы. Как говорили в старину – почувствуйте разницу.

В «нормальном правовом поле» дубайская полиция (состоящая, очевидно, из каких-то сверхлюдей по сравнению с российскими коллегами) быстро ловит парней с золотыми пистолетами, которым в России тюрьма просто не может грозить по определению. В «нормальном правовом поле» фигуранты «списка Магнитского» чувствуют себя не хозяевами жизни, а людьми, у которых могут быть серьезные проблемы как минимум с пересечением границы.

Нормальное правовое поле – это вообще хорошо. В нормальном правовом поле истории с угрозами убийством не заканчиваются извинениями и подаренными часами. За укрывательство банды убийц не штрафуют на 150 тысяч рублей. За изнасилование бутылкой от шампанского полицейского не сажают под домашний арест. И, хоть Сергей Фурсенко и не задал этого вопроса, он все равно напрашивается: Почему же у нас правовое поле – не нормальное?

Чтобы ответить на этот вопрос, в золотой фонд высказываний российских официальных лиц я бы включил еще одну цитату, тем более, что она как раз посвящена Сергею Фурсенко. Вот эта цитата: «Можно там отбуцкать его за углом». Эти слова Владимир Путин, как известно, произнес на встрече с футбольными фанатскими объединениями. Все или почти все, кто сидел с ним тогда за столом, сейчас находятся в Польше. Они не виноваты, что в их стране власть объяснила им, что «отбуцкать» – это нормально, а соблюдать законы – нет.

30 мая 2012. Если вы не следите за происходящим в социальных сетях, то вы пропустили эту историю, поэтому коротко перескажу: Петербург, День города, из окон офиса социальной сети «В контакте» на Невском проспекте ее основатель Павел Дуров и вице-президент Илья Перекопский бросают пятитысячные купюры. Люди под окнами толкаются, дерутся из-за этих денег, топ-менеджеры снимают это на видео, а потом Павел Дуров в своем Twitter пояснит, что акцию пришлось прекратить, поскольку «народ начал звереть».

Я пересказываю сейчас эту историю и чувствую себя каким-то обозревателем отдела морали комсомольской газеты семидесятых годов, пишущим проблемный очерк о воспитании советских подростков. «Почему так случилось? Давайте разберемся». Дальше должны следовать какие-нибудь слова о размытых представлениях о добре и зле, об эрозии воспитания, о духовном Чернобыле, и еще какая-нибудь цитата типа «сынки чикагских миллионеров убивают детей из любопытства». Посмотрите хоть в Twitter, хоть в «Живом журнале», хоть в том же «В контакте» – ровно в таких выражениях о поступке Дурова сейчас и спорят, хоть давно нет ни комсомольских газет, ни проблемных очерков.

А на самом деле ведь все проще. Знаете, почему Дуров бросал деньги из окна и смеялся над людьми, которые суетились на тротуаре? Потому что ни сто, ни тем более семьдесят или сорок лет назад не было у нас такого Дурова, который провел бы этот неприличный эксперимент и закрыл бы тему раз и навсегда.

Собственно, в этом и состоит главная проблема – не в том, что под окнами дуровского офиса «народ звереет», а в том, что есть на свете много стран, люди в которых нашли ответ на все неочевидные для нас вопросы за много лет до Павла Дурова и тех, кто сейчас осуждает его или поддерживает. Марку Цукербергу, с которым принято сравнивать Дурова, не пришлось бы в голову играть в такие игры ровно потому, что эти игры давно уже сыграны и проиграны теми самыми сынками чикагских миллионеров сто лет назад, и в исполнении Цукерберга разбрасывание купюр выглядело бы чем-то старомодным и пошлым.

Такие истории, как с Дуровым, огорчают, прежде всего, именно своей безвыходной провинциальностью, и социальные сети, превратившиеся у нас в единственное свободное и доступное пространство для общественной мысли, только делают эту проблему еще более наглядной, как яркая лампа в неубранной комнате.

Вот на днях мы с моим коллегой Константином Эггертом два дня спорили в соцсетях о том, кто был прав в октябре 1993 года – спорили долго, эмоционально и, в общем, увлекательно, но это же грустная на самом деле картина: сидят у компьютеров двое журналистов, обсуждают едва ли не самый важный эпизод новейшей истории своей страны, а кроме друг друга и еще нескольких болельщиков из соцсетей, у этих двух журналистов ничего больше нет. Нет корпуса книг и исторических исследований, посвященных тем событиям, нет университетских кафедр, которые изучали бы 1993 год, нет вообще ничего, даже памятника людям, которые тогда погибли – и его тоже нет.

Мы живем в пустоте. Мы всерьез обсуждаем, можно ли бросать камни в ОМОНовцев, можно ли панкам петь в церкви, можно ли проводить выставки современного искусства в Краснодаре, можно ли говорить о гомосексуализме со сцены или за это заберут в полицию. Бесконечный велосипед, изобретаемый нами в пустоте – когда-нибудь его поставят памятником на наших могилах.

24 июля 2012. Совсем пустяковая новость, но летом, я думаю, можно: в Калининграде городской совет ветеранов выразил возмущение в связи с тем, что местный хлебозавод начал выпуск хлеба под названием «Кайзеровский». Ветераны (напрашивается шутка про ветеранов Первой мировой) заявляют, что хлеб такой марки их оскорбляет, хлебозавод, в свою очередь, выражает готовность поменять название сорта и дизайн упаковки.

Пекари оправдываются, что ничего не имели в виду, просто хотели испечь хлеб по старому немецкому рецепту, а ветеранов обижать не хотели.

На фоне споров и конфликтов с участием «православной общественности» все остальное выглядит достаточно невыразительно, но все же. Я не веду специального учета таких историй, но даже если не залезать в поисковики – снятие с эфира фильма «Три дня в мае», знаменитая история с шашлычной «Антисоветской» и менее знаменитая, но я о ней когда-то писал и поэтому помню – с ночным клубом «Капитализм», который лет пять назад оскорбил московских ветеранов слоганом «Долой кефир и клизму, вперед к капитализму». В том же Калининграде, кстати, года два назад был случай, когда тот же совет ветеранов не позволил открыться гостинице под названием «Рейхштрассе». У гостиницы отобрали лицензию, и открылась она только спустя год под уже каким-то «антифашистским» названием. Кажется, «Арарат».

Я думаю, если специально мониторить новости про ветеранов, то большая часть таких новостей, а может быть, и все эти новости будут именно об этом – ветераны потребовали запретить, закрыть, ликвидировать. И как правило, успешно. Если ветераны требуют, как им отказать?

Вообще-то надо как-то учиться отказывать, хотя я даже не знаю, к кому можно обратиться с таким призывом – чтобы учились отказывать ветеранским организациям. Власти призывать к этому глупо. Ни одна ветеранская инициатива не была бы реализована без поддержки властей.

Не знаю, помните вы или нет, но результатом истории с шашлычной «Антисоветская» в свое время стало не только переименование заведения, но и множественные бонусы для инициатора атаки на шашлычную Владимира Долгих, возглавляющего московскую ветеранскую организацию. После той истории товарищ Долгих получил орден, стал почетным гражданином Москвы и избрался в Госдуму от «Единой России».

Я думаю, стоит обратить внимание на то, что в последние годы в России сложилась собственная, очень интересная культура толерантности.

Хейт-спич, неполиткорректные высказывания – с этими вещами у нас борются практически так же яростно, как на политкорректном Западе. Но есть очень важная деталь. От «хейт-спичей» у нас надежно защищено только большинство, подлинное или мнимое – пра-

вославные, сторонники Путина, гомофобы или вот люди, разделяющие ценности ветеранских организаций.

2 августа 2012. Председатель Верховного суда заявляет, что Ходорковского и Лебедева вообще-то можно и отпустить, а это почему-то не становится сенсацией, все максимально буднично. Никаких митингов, никаких открытых писем деятелей искусства, ничего вообще, только политологи невозмутимо высказываются в том духе, что отпустить сейчас Ходорковского и Лебедева – это естественно, потому что если вот-вот посадят Навального, то Ходорковский должен быть свободен, ведь одновременно за решеткой не может находиться больше одного знаменитого публичного оппонента власти, якобы есть такое негласное правило. Таких комментариев я видел много, причем появляться они начали еще до новости о постановлении Лебедева, именно в связи с Навальным.

Например, еще две недели назад политолог Глеб Павловский, ссылаясь на некий «мандат неба», который потеряет власть, если начнет сажать всех своих оппонентов, сказал: «Для того, чтобы посадить Навального, пришлось бы выпустить Ходорковского». И вот пожалуйста – параллельно с раскруткой уголовного дела по Навальному начинается какое-то движение вокруг Ходорковского. Председатель Верховного суда понял вдруг, что с приговором Ходорковскому что-то не то, и предлагает его перепроверить.

Мне кажется, что если бы постановление Лебедева появилось еще год назад, это действительно была бы огромная сенсация. А сегодня сенсации нет, хотя ничего ведь не изменилось – Ходорковский остался Ходорковским, приговор остался приговором, тюрьма осталась тюрьмой. Видимо, все-таки что-то произошло с общественным мнением.

А ведь это главный итог этого года – от рокировки Путина и Медведева до дела Pussy Riot: за этот год столько всего произошло, что уже невозможно ничему удивиться, вообще ничему. Это похоже на какую-то психологическую игру; каждая новость последнего года заслуживает по меньшей мере главы в учебнике истории, а все вместе эти новости сливаются в один вполне монотонный фон. Что происходит в России? Да ничего нового, в общем-то.

Если завтра случится что-нибудь совсем запредельное, ну, не знаю, легализуют каннибализм, или учредят день открытых убийств – такое ощущение, что и это никого не удивит. За год страна привыкла ко всему, а удивляться, наоборот, отвыкла.

Девять лет назад, когда Ходорковского только посадили, по Интернету гулял смешной рассказ под названием «День Суркова». При чем там Сурков, я не помню, но сюжет был такой – популярный телеведущий, выйдя из запоя, включил программу «Время», а там сказали, что Ходорковский приговорен к расстрелу, и приговор уже приведен в исполнение. Телеведущий взволнованно обзванивает знакомых, а те очень спокойно ему отвечают – ну да, ну расстреляли, ну а что такого-то. К тому, что литература у нас всегда сбывается, тоже можно было давно привыкнуть, и даже неплохо, что в реальности вместо расстрела случилось постановление председателя Верховного суда, но все равно испытываешь какое-то странное чувство. Общество, разучившееся удивляться, не вполне здорово.

20 августа 2012. Я как-то раньше об этом не задумывался, но знаете ли вы, что к стеле памяти погибших защитников Белого дома на пересечении Нового Арбата и Садового кольца нельзя подойти пешком, не нарушив правил движения? Там нет пешеходного перехода, и машины ездят, не останавливаясь. Я думаю, если бы возлагать цветы к этой стеле пришло больше людей, полиции было бы удобно задерживать их за переход дороги в неподобающем месте. Но людей было мало, и единственной задержанной оказалась девушка, пришедшая возлагать цветы в маске с прорезями, которую у нас теперь принято называть балаклавой.

А так – новой Болотной площади не получилось, идея актуализировать события 1991 года, кажется, провалилась. Накануне Борис Акунин написал, что надеется увидеть на Новом Арбате длинную очередь из желающих возложить цветы, но никакой очереди не было, было очень мало людей. Я, на самом деле, тоже не очень понимаю, чью память следовало почтить 19 августа, а не 21-го, когда, собственно, и погибли Владимир Усов, Дмитрий Комарь и Илья Кричевский, но при этом понимаю, что если бы в этом году воскресенье выпало на 21-е число, то и 21-го пришло бы столько же, сколько теперь. И дело совершенно не в том, что об августе 1991 года все забыли или за эти годы история с путчем стала более спорной, чем она была для современников. В октябре будет десять лет «Норд-Осту», и я не думаю, что к ДК на Дубровке придет с цветами ощутимо больше людей, чем пришло на угол Нового Арбата и Садового. Я вообще не представляю, какая памятная дата способна стать поводом для того, чтобы вся Москва или вся Россия вышла участвовать в памятных мероприятиях. Не послушать Газманова в гимнастерке на Поклонной горе 9 мая, а вот именно вспомнить, задуматься, объединиться в каком-то коллективном гражданском переживании.

И нельзя ведь сказать, что наша новейшая история была бедна на трагические и исторические события. Но максимум, который остается от любого события в нашем историческом календаре – тематический опрос ньюсмейкеров или простых прохожих на тему «Что вы думаете о...» в газетах и по телевизору.

Выражение «конец истории», конечно, имеет совсем другое значение, но, кажется, именно постсоветская Россия пережила настоящий конец истории в том смысле, что никакой истории у нас больше нет.

В пятницу, когда судья Сырова выносила приговор девушкам из Pussy Riot, в зале суда у меня было чувство, что этот-то суд все запомнят навсегда, но в воскресенье у стелы на Новом Арбате я понял, что никто ничего, конечно, не запомнит. На проклятом острове нет календаря.

23 августа 2012. Трудно так сразу переключаться с XVII века на XX. Еще вчера все спорили о Трулльском соборе и святом символе православия в виде гвоздя, а сегодня вдруг речь заходит о восстановлении звания Героя Социалистического Труда; эпитета «социалистический» в предложении полпреда Холманских нет, но это тот случай, когда и так все понятно – движение «В защиту человека труда», как и сам персонально полпред, как само предприятие, с которого он пришел, советский стиль эксплуатирует в полной мере. Зимой и весной этот советский стиль достаточно активно культивировался официальной пропагандой, но потом все отвлеклись на теологические дискуссии, который как бы переносили нас в допетровскую бородатую Русь с ее боярынями морозовыми и патриархами никонами, а теперь щелчок – и снова в эфире двадцать какой-то съезд КПСС, и товарищ Холманских вручает передовикам переходящее знамя с вышитым на нем профилем Ильича.

День опричника и брежневский застой сочетаются не очень, но официальная повестка дня бросает Россию из эпохи в эпоху, ничуть не заботясь о психическом здоровье нации. Такие перепады из известных мне людей может выдержать только Александр Андреевич Проханов, и, мне кажется, так нельзя.

То есть даже, наверное, и можно, но путешествия во времени должны быть хотя бы как-то разнесены в пространстве. Очевидно, что в российском обществе есть и те, кому ближе Трулльский собор, и те, кто мечтает о золотой звездочке Героя труда. Логичнее было бы, чтобы одни чувствовали себя комфортно, скажем, в Москве около метро «Кропоткинская», а другие – в том же Нижнем Тагиле у полпреда Холманских. Не нравится день опричника – езжай в Тагил и вручай переходящее знамя, не нравится застой – иди к храму Христа Спасителя и ходи вокруг в православном патруле. И всем хорошо. Я даже не шучу.

Мне кажется, что если есть в обществе запрос на взаимоисключающие ценности, то жертвовать одними ценностями во имя других нельзя. В обществе должно быть место и для православных радикалов, и для Pussy Riot, и для «идейных пролетариев», и для «креативного класса». И география, я думаю, могла бы стать решением этой проблемы – когда в одном регионе все зависит от обкома, а в другом – от отца Всеволода Чаплина. Захотел – уехал в лес и живешь в общине космических коммунистов, захотел – ушел на «Красный октябрь» и снимаешь на айфон артхаусное кино.

Но это все, конечно, так и останется мечтой. Звезду Героя труда прикрепят к парадному облачению патриарха, полпред Холманских с товарищами по «Уралвагонзаводу» придет в ХХС молиться гвоздю, Дмитрий Медведев проведет отпуск в тундре. Последнее, кстати, тоже не шутка.

6 августа 2012. Только не говорите, что вы не слышали песню «Курю»:

Снова стою одна,
Снова курю, мама, снова,
А вокруг тишина,
Взятая за основу.

«Взятая за основу» – это откуда вообще, из какого перестроечного детства, из каких съездов народных депутатов? Говорят, в хорошей песне должна быть одна, только одна строчка, которая будет цеплять, и вот это была она. «Тишина, взятая за основу», – еще никто, кажется, не знал имени исполнительницы, а песню ставили и в «Маяке», и в «Мастерской», и в «Солянке». Ну да, как трэш, но ведь ставили же. Летом 2009 года Москва впервые плясала под Ваенгу, это документальный факт.

Сейчас, три года спустя, на «Русском радио» в ротации новая песня Ваенги – «Где была»: «Упала на землю девка, упало солнце на землю». Если слушать вполуха, то, когда вступает духовая секция, даже вздрогнешь – почему Брегович на «Русском радио»? Но это не Брегович, это Ваенга. Возможно, лучшая сегодня русская певица.

Я тестировал этот тезис (про лучшую певицу) на 35-тысячной аудитории своего твиттера, и никто, конечно, со мной не согласился. Может быть, я рассуждаю старомодно, но на утверждение «Ваенга – лучшая певица» убедительнее всего прозвучал бы ответ «Нет, лучшая не Ваенга, а (и дальше имя)». Так вот, таких ответов было очень немного. Назывались какие-то совсем запредельные имена – Инна Желанная, Хелависа, Ольга Арефьева. Чаще всего люди отвечали, что лучшая – это Земфира, и здесь оставалось только вздохнуть в связи с непобедимостью стереотипов: ведь последний альбом Земфиры, как известно, вышел в 2007 году, и сенсацией он не стал; могу ошибиться, но к Земфире ее поклонники относятся сегодня как к воспоминанию о 1999 годе, когда она действительно была лучшей, но это все-таки было 13 лет назад, а сейчас – ну покажите мне Земфиру, что ли.

Чудовище не перестанет быть чудовищем, даже если на это никто не обращает внимания. Ваенга – чудовище.

Полагаю, впрочем, что этот спор не имеет вообще никакого значения. Я скажу «Ваенга», мне скажут «Земфира» – слово против слова. К тому же Ваенга ведь теперь не только и не столько исполнительница песни «Курю», сколько та самая певица, которая написала про Pussy Riot знаменитое «А ВЫ ЗНАЕТЕ ПОЧЕМУ ЭТИ КОЗЫ НЕ ПОШЛИ В МИЧЕТЬ ИЛИ В СИНАГОГУ? ОСОБЕННО В МИЧЕТЬ??????». Она вообще много чего по этому поводу наговорила. В интервью «Известиям» уже не было ни капслока, ни грамматических ошибок, зато было «Но вы на их рожи посмотрите! Они же сидят бравируют, считают себя крутыми героями. Но на такую крутость вам на зоне там покажут быстренько наши православные девки. Ох, не завидую!»

«Вам на зоне там покажут» – это, с какой стороны ни посмотри, какая-то запредельная мерзость. Три девушки в клетке и сытая, богатая, сверхпопулярная и к тому же беременная поп-звезда, с блевотным восторгом обещающая им расправу от уголовниц. Понятно, что все об этом забудут уже завтра, и вообще – поклонники Ваенги сами про Pussy Riot примерно в тех же выражениях думают, а поклонникам Pussy Riot на Ваенгу наплевать. Но это ведь ничего не меняет, чудовище не перестанет быть чудовищем, даже если на это никто не обращает внимания. Ваенга – чудовище.

А в той самой гостевой книге на ее сайте, с которой все и началось, кипит какая-то даже симпатичная жизнь. Вот, почти подряд, поклонники пишут:

Елена, как Вы думаете, можно ли в 39 лет научиться ездить на горных лыжах... Или всё... поезд ушел?..

Дорогая Елена Владимировна! Если Вам не сложно, ответьте пожалуйста. Как Вы относитесь к моей землячке, Фаине Георгиевне Раневской?

Елена Владимировна, скажите, пожалуйста, чем вы лечите кашель? А то у меня буквально за три дня трохеит в бронхит превратился...

Леночка, а у меня к ВАМ, просьба, очень необычная. Обращаюсь к ВАМ, как гениальному композитору и талантливому поэту – написать песню про собаку таксу. Если удастся где-то понаблюдать за таксами, уверена, у ВАС сразу появится желание переложить эти эмоции на стихи и музыку.

Вообще-то это привет из нормального общества. Живут себе какие-то хорошие, добрые люди, наблюдают за таксами, лечат кашель и учатся ездить на горных лыжах. Слушают Ваенгу. И нет никакого ада, и всем хорошо.

Я не уверен, что человек виноват в том, что в скотских условиях он превращается в скота. Когда в жизни нет ада, ад в человеке дремлет.

Советская присказка про разведку, в которую надо ходить с хорошими людьми, а с плохими не надо, – в ней есть что-то неправильное, античеловеческое: предполагается, что экстремальные ситуации нужны, чтобы выяснить, хороший человек или плохой. «Парня в горы тяни, рискни». Ну, потянул, ну, выяснил, что он на самом деле плохой, и кому легче стало? Жили бы себе и жили. Нет ведь ничего удивительного в том, что, попадая в какой-нибудь ад, будь то лагерь, армия или блокадный Ленинград, человек теряет человеческие черты, превращается иногда в скота. Я не уверен, что человек виноват в том, что в скотских условиях он превращается в скота. Когда в жизни нет ада, ад в человеке дремлет и может продремать всю жизнь.

Я, может быть, сейчас ужасную вещь скажу, но Ваенга не стала бы чудовищем, если бы не было этого дела Pussy Riot, если бы не было вообще этого года со всеми его особенностями, если бы ненависть не стала ключевым внутривнутриполитическим фактором и, кажется, даже источником легитимности. Общественно-политическую ситуацию сегодня в России вполне можно считать экстремальной. Ваенга не виновата, что в экстремальной ситуации она стала чудовищем.

27 июля 2012. Самый удивительный побочный эффект говорухинской (понятно, что не он придумал, но он был главным, кто на эту тему говорил, деля большие глаза) предвыборной разводки про конфликт «креативного класса» и «быдла», или «народа», – то, что в этот конфликт поверил не только «народ», на который разводка, очевидно, и была рассчитана, но и сам «креативный класс». Когда среднестатистический телезритель жалуется, что «они нас быдлом считают», это понятно и обидно, но когда среднестатистический московский журналист причитает, что «снобизм по отношению к этой барышне я подхватила, как инфекцию, распространяющуюся в соцсетях» и «презрение к другой части страны, не такой, как мы, не так думающей, не так говорящей и не так голосующей, – большая ошибка», хочется попросить Вячеслава Викторовича Володина выписать авторам идеи про конфликт «Болот-

ной» и «быдла» дополнительную премию. Они ведь о таком успехе даже не мечтали – чтобы «Болотная» сама каялась: да, мол, я была несправедлива к народу, прости меня, народ.

Годы в московской журналистике, надеюсь, не обтрепали мои народные (я из Калининграда, диплом технического вуза, полтора года морской практики, ничего креативного) черты, и я хочу, потрясая этими чертами перед лицами моих креативных друзей, сказать, что эта входящая в моду каючаяся жалобная позиция – гораздо более снобская, хамская и оскорбительная для, уже без кавычек, простых людей. Потому что, если ты признаешь вину перед простыми людьми, то ты себя ставишь вне их (только не надо говорить, что ставишь себя ниже, ага) в строгом соответствии с теорией Говорухина и на радость полпреду Холманских.

Тихий, забитый, но мудрый богоносец, в промежутках между трудом на танковом заводе и просмотром «Дома-2» голосующий за Путина.

Но это еще полбеда. Соглашаясь с этим несуществующим конфликтом, ты соглашаешься и с тем образом народа, который рисовали все те же Говорухин, Холманских и прочие их друзья вплоть до знаменитого политолога Перлы. Тихий, забитый, но мудрый богоносец, в промежутках между трудом на танковом заводе и просмотром «Дома-2» голосующий за Путина. Как выразился еще один известный журналист-народник из хорошей семьи, они не виноваты, что родители им не подсовывали в детстве Бродского.

Бродского, наверное, действительно не подсовывали, но ведь и богоносность не подсовывали тоже. «Простые» семьи, то есть семьи, дети которых никогда не бывали не то что в детском клубе «Шардам» у Мити Борисова, но даже в Московском метрополитене, живут, как ни шокирующе для «креативного класса» это прозвучит, ровно по тем же правилам, по которым живут «хорошие семьи», состоящие из нескольких поколений выпускников 57-й московской школы. Правила действительно простые: если родители любят детей, они будут работать на двух или трех работах, возьмут кредит или продадут собственную почку, только чтобы дети учились, реализовывались, уезжали, в конце концов, в Москву. В этих простых правилах нет ни слова «Путин», ни слова «быдло». В них нет вообще никакой политики, а есть что-то настолько честное и вечное, что на фоне этого честного и вечного даже стыдно думать о «креативном классе».

И кстати. Представьте себе такую семью – в которой родители ходят в обносках, но оплачивают детям учебу и покупают им гаджеты. Представьте, что в этой семье мама или папа пилит сына или дочку: эх ты, мол, балбес, посмотри вон на Свету из соседнего барака, она вон какая молодец – вступила в движение «Сталь» и барабанит в барабан. Если вам трудно представить, что я имею в виду, перенеситесь в поздний совок. Такая же семья, и мама говорит сыну – балбес, посмотри на соседского сына, он председатель совета дружины, и в комсомольских рейдах участвует, и стенгазету еще рисует, хорошую карьеру сделает.

Света, вступающая в движение «Сталь», чтобы сесть в социальный лифт, – хитрое и циничное существо, не нуждающееся ни в поддержке, ни в жалости.

Вообще-то я не удивлюсь, если кто-нибудь подумает, что в семьях, где детям не подсовывают Бродского, так и бывает, но на самом деле так не бывает. К людям, пытающимся исправить свое социальное положение не с помощью труда, а с помощью активизма, нормальные «простые люди» относятся так, как они того и заслуживают – со сдержанным презрением. Света, вступающая в движение «Сталь», чтобы бить в барабан на митинге и сесть по этому поводу в социальный лифт, – хитрое и циничное существо, не нуждающееся ни в поддержке, ни в жалости. Точно таким же существом стоит считать и рабочего, идущего в рабочий день на «путинг» и понимающего (а он понимает, понимает), что чем громче он будет кричать «Путин, Путин!», тем больше шансов у его предприятия получить выгодный заказ на ненужную продукцию. Таких рабочих на всем заводе, кстати, – человек десять. Их

легко вычислить по новым четвертым айфонам, которые им выдала администрация, но они почему-то не всегда выходят с этими айфонами из дома.

Те люди, которых сейчас вдруг стало модно считать подходящим объектом для покаяния и примирения, – это не народ, это активисты. И, уже как ветеран «креативного класса» и «Болотной площади», я с удовольствием готов заявить, что да, с этой социальной группой у меня есть конфликт, и выходить из него с поднятыми руками («Мы проиграли, когда сделали из Светы посмешище») я считаю ужасной глупостью.

А что касается конкретной Светы Курицыной – про нее вообще-то и думать нечего; я знал Кристину Потупчик, когда она была такой же «Светой из Иваново», и ничего кошмарного с ней в конце концов не случилось, хорошо сейчас живет и пользуется популярностью. У Светы тоже все будет хорошо. В дирекции общественно-правового вещания НТВ, где она сейчас работает, большая текучка кадров, и, продержавшись там несколько месяцев, Света вполне может стать, например, автором новой «Анатомии протеста». И обязательно найдется кто-нибудь, кто посмотрит эту передачу и почувствует себя полным ничтожеством.

Книга вторая

28 июля 2011. Одного почтового служащего однажды спросили: «Ты сидишь целый день на почте и ставишь штампы на конверты, скажи, тебя утомляет такая работа?» Почтовый служащий ответил: «Что вы, она не настолько монотонна, как кажется – каждый день я меняю дату на штампе».

Я думаю, если спросить руководителей Института современного развития Игоря Юргенса и Евгения Гонтмахера, не надоело ли им четвертый год подряд прогнозировать скорую либерализацию под руководством Дмитрия Медведева, они тоже ответят «Что вы, у нас совсем не монотонная работа, время от времени мы меняем даты в своих прогнозах».

Вчерашнее выступление Гонтмахера и Юргенса, согласно которому Дмитрий Медведев должен, цитирую, «перейти Рубикон», выглядит уже не как продукт политологической мысли, а как произведение современного искусства, такой арт-проект ради арт-проекта. Время от времени выходят на сцену двое, говорят «Медведеву пора перейти Рубикон», публика аплодирует, двое уходят. И так до следующего раза.

Три с половиной года назад, когда Дмитрий Медведев только стал президентом, было модно сравнивать его воцарение с горбачевской перестройкой. Собственно, Игорь Юргенс и Евгений Гонтмахер в немалой степени способствовали возникновению такой моды. Три с половиной года – это серьезный срок. Если сравнивать наше время с перестройкой, начавшейся весной 1985 года, то получится, что у нас сейчас осень 1988. К этому времени Горбачев полностью очистил политбюро от соратников Леонида Брежнева, вернул из ссылки Сахарова и назначил первые свободные выборы в парламент. На заводах директоров избирают прямым голосованием. Кооперативное движение уже стало серьезным фактором в советской экономике – даже скандал с кооперативом АНТ, продававшим за границу советские танки, уже позади. Уже идет война в Нагорном Карабахе, в Прибалтике уже существуют народные фронты и движения в поддержку перестройки, с которыми местные компартии по сути делят свою уже совсем не абсолютную власть. По истечении трех с половиной лет можно было смело сказать, что горбачевская либерализация уже состоялась и стала необратимой.

Медведевские три с половиной года можно сравнить с горбачевскими и по-другому. Представим себе, что на протяжении трех с половиной лет Горбачев выступает с традиционными для вождя КПСС речами о ленинском курсе и дружбе народов. В печати и на телевидении – все как при Брежневе, то есть программы «Взгляд» нет, а «Ленинский университет миллионов» есть. Никаких кооператоров, никаких Саюдисов, Сахаров по-прежнему в ссылке. И только двое полуученых-получиновников раз в полгода пишут в газетах: «Перестройка необратима, демократизация неизбежна, Горбачев вот-вот перейдет Рубикон». Я думаю, советские люди над ними бы смеялись. Анекдоты бы про них придумывали.

Мы – не советские люди. И мы почему-то всерьез обсуждаем и манифесты либерализаторов, и вчерашнюю утечку агентства Reuters, согласно которой президентом следующей весной снова станет Владимир Путин. Советские люди, кажется, были умнее нас. Они о своих старцах из КПСС только анекдоты и рассказывали, никому всерьез не приходило в голову, сидя на кухне, обсуждать свежую речь какого-нибудь товарища Соломенцева.

19 октября 2011. «Большое правительство» сравнивают с Общественной палатой, «Народным фронтом» и даже с «Гражданским форумом», который в начале нулевых был первой робкой попыткой привлечь общественность к прямому участию в государственных делах. Раз в несколько лет власть зачем-то собирает вокруг себя какое-то количество известных и не очень известных людей, от которых, в общем, ничего не требуется, кроме как быть

фоном, на котором власть будет заниматься своими обычными делами. Зачем это нужно, никто объяснить не может, но раз в несколько лет под разными названиями этот ритуал совершается. Когда это еще было в новинку, о таком ритуале еще даже можно было разговаривать всерьез. Я помню, например, как об Общественной палате писали, называя ее «миусским предпарламентом» – имелось в виду, что пока наш парламентаризм еще не до конца сформировался, чтобы ускорить рост, нужно применять даже самые экзотические механизмы. Вы сейчас наверняка даже не поверите, что это было всерьез, но ведь было, Интернет все помнит.

О «большом правительстве» в сколько-нибудь серьезном тоне говорить очень трудно, почти невозможно. Ну, лица, конечно, меняются. В Общественной палате сидели доктор Рошаль и Марат Гельман, а в «большом правительстве» будет Иван Ургант и тоже Марат Гельман, и еще Федор Бондарчук, который в каком-то смысле, конечно, тоже новое лицо. Скорее всего, сейчас этих новых людей собирают на ходу, подстраиваясь под внезапное попадание президента Медведева в предвыборный список «Единой России». До сих пор весь публичный имидж Медведева строился на таком ненавязчивом дистанцировании от единороссовского «большого стиля», и если бы сейчас Медведев просто начал изображать настоящего единоросса, эдакого Андрея Исаева, выглядело бы это вполне трагически. А с прослойкой из Федора Бондарчука – вроде даже ничего, живенько так.

Давно уже стали банальностью разговоры о том, что все публичное политическое пространство в России состоит из ненастоящих субъектов, которые на самом деле не субъекты, а имитация. Есть такое слово, мне даже неловко его произносить, настолько оно заезженное – симулякр. Вот у нас все состоит из симулякров – выборы, партии, парламент. Ну и нельзя не вспомнить хит нашего политического новояза – словосочетание «действующий президент», которым, с упором на слово «действующий», теперь с легкой руки Владимира Путина принято называть Дмитрия Медведева.

Если много лет постоянно делать одно и то же, можно довести это умение до совершенства, практика всегда этому способствует. Десятилетней давности «Гражданский форум» провалился, о нем никто уже не помнит. Общественная палата – о ней всерьез уже никто не говорит, зато все знают, что она есть. «Большое правительство», по крайней мере, неплохо будет смотреться по телевизору, хотя бы благодаря Ивану Урганту. Еще несколько таких экспериментов, и свое умение сооружать политические симулякры Кремль доведет до совершенства. Но если много лет постоянно делать одно и то же, а больше ничего не делать, то со временем все остальные навыки можно просто забыть. Доводя до совершенства свое единственное умение – создавать видимость, – Кремль рано или поздно разучится делать все остальное. И, видимо, тогда у России и появится шанс.

18 октября 2011. Должен признаться, что до вчерашнего вечера я вообще не знал, что на свете есть такой вице-спикер Совета Федерации Ильяс Умаханов, а он мало того, что существует, так еще и генерирует, судя по реакции президента, судьбоносные идеи. «Добровольный мораторий» на использование межнациональной тематики в предвыборной кампании, предложенный Умахановым, Дмитрий Медведев поддержал, пообещав давать носителям этой тематики, цитирую, «соответствующую правовую оценку без скидок на демократию и свободу слова». В последнее время почти ни одна речь президента или премьера не обходится без упоминания о вреде национализма, а теперь и участвующие в выборах партии ставят перед фактом: национальный вопрос – запретная тема.

Во что этот «добровольный мораторий» может вылиться на практике – да ни во что. В российской политике и так не первый уже год действует «добровольный мораторий» на любые политические шаги, предвыборные и не предвыборные, без согласования с Кремлем. Вы думаете, что, Жириновский, когда развешивал свои билборды с надписью «Мы за

русских!», не спрашивал на это разрешения? Теперь, наверное, ему придется эти билборды убирать, причем интересно – это ведь просто президент в устной беседе поддержал предложение сенатора, не будет никакого закона, никакого даже президентского указа, а мораторий будет.

Система этих «добровольных мораториев» отлажена до автоматизма. Недавно я видел по телевизору лидера партии «Яблоко» Сергея Митрохина, который хвастался, как его партия очистилась от криминала, исключив из своих предвыборных списков бывшего архангельского мэра Донского, не сказавшего о своей давно снятой судимости. Никого почему-то не смущает, что снятая судимость возвращает человеку абсолютно все права, которые полагаются гражданину, в том числе право избирать и быть избранным, и то, что на судимых кандидатах у нас, оказывается, тоже существует «добровольный мораторий» – это ведь нигде и никем публично не обсуждалось, не было никаких поправок в законы, и даже вице-спикер Умаханов ничего такого не предлагал. Но мораторий при этом есть.

Теперь, очевидно, будет еще один. Он никому не нужен, никакого смысла в нем нет, но он будет – на всякий случай. Откуда взяться этому всякому случаю – непонятно, Кремлю подконтрольны все партии, идущие на выборы, и бояться, в общем, некого, но вот оказывается, что еще один инструмент, который в случае чего позволит снять кого-нибудь с выборов – такой инструмент Кремлю нужен.

Чтобы запереть дверь, достаточно одного замка. У нормальных людей на квартирных дверях, как правило, два замка. Если видишь дверь, на которой замков пять или больше, сразу понимаешь – здесь живет параноик. И про российскую политическую систему тоже что-то такое понятно, причем давно, задолго до этого «добровольного моратория».

17 октября 2011. На встрече Дмитрия Медведева с его сторонниками Тина Канделаки забавно оговорилась, сказала: «Когда вы были президентом». Откуда берутся такие оговорки – понятно, после последнего съезда «Единой России» президентский статус Дмитрия Медведева нуждается в том, чтобы постоянно о нем напоминать, иначе оговорка Тины Канделаки будет не самым обидным из того, что можно сказать о Дмитрие Медведеве. По сравнению с предыдущими тремя с половиной годами, которые мы прожили с президентом Медведевым, у нас, конечно, многое изменилось, и те три с половиной года – это уже прошлое, предыдущая микроэпоха, достояние истории.

Сейчас даже какие-то слова из тех времен царапают слух, но давайте вспомним, как это звучало – «раскол тандема». Или – «медведевская оттепель». Энтузиасты типа Игоря Юргенса или Евгения Гонтмахера писали километровых размеров статьи о неизбежности новой перестройки, а люди с более сдержанным эмоциональным устройством вылавливали в речах членов тандема намеки на возможный его раскол. Это, если помните, называлось «сигналы».

При этом, конечно, не все были от этих «сигналов» в восторге. Многие политические авторы были недовольны заигрывающим с либеральными настроениями президентом и открыто ностальгировали по путинским временам, мечтая об их возвращении. Молодого президента с его твиттером и гаджетами дразнили «лунтиком», а все его модернизаторские инициативы встречали даже не со скепсисом, а с откровенной насмешкой. Сейчас об этом тоже смешно вспоминать, но, «когда он был президентом», Медведева чаще критиковали с консервативных позиций, а сторонники перемен его почти не трогали.

Теперь, конечно, все изменилось. Теперь Медведев уже совсем не герой для либералов, и когда он пишет в «твиттере» – мол, кому интересны мои планы, включайте в субботу «Россию-24», главный герой протестной блогосферы Алексей Навальный отвечает ему – «Нам не интересно, нам стыдно». Никто уже не ловит сигналы, никто не ищет признаков раскола тандема. Зато те, кто вчера смеялся над медведевскими гаджетами и дразнился «лунтиком» –

они теперь, наоборот, восхищаются им еще яростнее, чем когда-то Путиным. Автор близкой к «Единой России» газеты «Взгляд» перечисляет подвиги Медведева: победил грузинских агрессоров, уволил Лужкова, уволил Кудрина, в общем – «доказал, что он не настоящий либерал, а настоящий президент».

На субботней встрече та публика, которую принято называть «сурковской молодежью», стараясь не смеяться Медведеву в глаза, благодарила его за честность, откровенность и за то, что он «ввел в России моду на интернет». Медведев говорил в ответ, что он «плоть от плоти» «Единой России». Вы ждали перемен – вы их получили, в самом деле – еще месяц назад подобные сценки были невозможны.

Если бы эта встреча была запланирована месяц назад, политологи ждали бы ее, прогнозируя, что именно на ней Медведев объявит о своем втором сроке. Боже, как давно это было.

10 октября 2011. Цепляться за слова некрасиво, но если это слова президента – он ведь и произносит их, чтобы мы за них цеплялись, правда же? Дмитрий Медведев, беседуя с краснодарскими единороссами, предостерег их от «головокружения от успехов», уточнив при этом, что так говорил, снова цитирую, «один классик».

Как зовут классика, мы с вами знаем – Иосиф Сталин его зовут. Больше никто из классиков формулировку «головокружение от успехов» не использовал, а у Сталина, как известно, была такая статья, ознаменовавшая переход от очень кровавого этапа коллективизации к чуть менее кровавому.

Я не знаю, была ли эта цитата домашней заготовкой президентских спичрайтеров или импровизированным проявлением чувства юмора самого Дмитрия Медведева, но это ведь неважно. Что важно: Медведев это сказал, и все его поняли. Более того, «головокружение от успехов» – не единственный сталинский афоризм, известный в России всем и понятный всем, и в этом смысле, Медведев прав, Сталин действительно классик. В свое время один русский поэт, желая указать украинцам на их национальную неполноценность, писал, что умирая, украинец вспомнит «строчки из Александра, а не брехню Тараса», вот и с новой российской государственностью все так же: можно сколько угодно говорить, что нашей государственности 20 лет, или наоборот, придумывать и праздновать 300-летние и 200-летние юбилеи наших сугубо советских министерств и ведомств. Но и то, и другое будет мимо, потому что на самом деле вся родословная всех наших госструктур уходит именно туда – во времена «головокружений от успехов» и прочих «годов великого перелома», когда «кадры решали все».

Несколько месяцев назад был такой смешной эпизод, когда мордовский митрополит Варсонофий поздравил с 80-летием управление ФСИН по Мордовии и пожелал мордовским фсиновцам «Божьей помощи в служебной деятельности на благо нашего Отечества».

Кто-нибудь спросит – а что же в этом смешного? Да, в общем, ничего, только 80 лет назад управление ФСИН по Мордовии называлось немного иначе – Мордовлаг, и этот Мордовлаг был, как нетрудно догадаться, частью знаменитого ГУЛАГа. Вы видели митрополита, благословляющего ГУЛАГ? А он существует.

Термин «когнитивный диссонанс», означающий столкновение в реальности нескольких взаимоисключающих факторов, у нас, наверное, слишком заезжен, но нельзя не признать: Россия – это действительно страна победившего когнитивного диссонанса, и, видимо, будет ею всегда. И это обстоятельство само по себе можно считать неиссякаемым источником головокружения. Только совсем не от успехов.

6 октября 2011. В газету о торжествах в Грозном я писать ничего не буду, потому что нечего – московских журналистов возили в автобусе по Грозному, полностью оцепленному

местными силовиками, и единственное личное впечатление о празднике, которое у меня осталось – это бородатые люди с автоматами, дежурящие буквально в каждой подворотне, и перекрытые улицы, по которым можно было проехать только имея на лобовом стекле пропуск, подписанный премьером республики. Когда в Москве на День города или на 9 мая что-то перекрывают, это всех раздражает, но вчерашний Грозный доказал, что Москве в этом смысле есть куда стремиться.

Между прочим – вы знаете, что вчера праздновали в Грозном? То есть понятно, что это было 35-летие Рамзана Кадырова, но за несколько дней до уже запланированных и организованных торжеств Рамзан Кадыров заявил, что не хочет праздновать день рождения и будет наказывать всех, кто попытается ему что-то подарить. В итоге торжества, конечно, не отменили, но выглядело все крайне шизофренически – все делали вид, что празднуют День города, какую-то некруглую дату со дня основания Грозного, хотя это был именно день рождения Кадырова.

Когда нас возили по городу, в какой-то момент перед нами появился сам именинник. Его спросили, почему он запретил его поздравлять, и он ответил, что он еще молодой и сильный, и он сам хочет делать людям подарки, а не принимать их.

День рождения Рамзана Кадырова был вчера, а завтра будет день рождения Владимира Путина. Катаясь по Грозному в сопровождении местного кортежа с автоматами, я читал новости – о том, как московская молодежь готовится поздравлять будущего президента России. Вы, наверное, тоже об этом слышали – активисты движения «Наши» собираются выложить своими телами цифру «59» (а Путину завтра будет 59 лет) и спеть хором для него песенку крокодила Гены, а пиарщики с журфака МГУ сегодня собираются провести презентацию уже второго эротического календаря с фотографиями моделей, признающихся Путину в любви.

В этой культуре отмечания дня рождения премьера, согласитесь, тоже есть что-то рамзанкадыровское. Причем если ко дню рождения чеченского вождя приезжают иностранные поп-звезды, а строители вводят в строй гигантские объекты, то у Путина все несколько скромнее – тела нацистов да эротический календарь.

И вдруг я понял, в чем парадокс. Почему-то принято считать, что Рамзан Кадыров относится к Владимиру Путину как ученик к учителю, как младший коллега к старшему. А на самом деле – это ведь Путин ученик Кадырова. Пять лет назад Путин скромно принимал поздравительные телеграммы, а Кадыров уже фотографировался с победительницами конкурсов красоты. Теперь Путина, как когда-то Кадырова, тоже поздравляют модели, но Кадыров все равно ушел вперед, и Путину придется его догонять. Можем даже поспорить – лет через двенадцать президент Путин тоже проявит скромность и запретит праздновать свой день рождения, поэтому на 7 октября перенесут московский день города. А что к этому времени придумают в Грозном – даже представить страшно.

4 октября 2011. Скандальные истории в Интернете всегда развиваются по принципу затухающего маятника – все знают, с чего началось, но мало кого интересует, чем все закончилось. Фотография Дмитрия Медведева с пакетиком из «Макдоналдса» была анонсирована как предложение о продаже большого фотоархива – якобы некий уволенный из ФСО человек готов продавать неофициальные фотографии Медведева по 10 тыс. британских фунтов за штуку. И это с самого начала выглядело мистификацией, потому что и фотография была похожа на монтаж, и охранник не был похож на охранника, да и вообще, чего уж там – дороговато ведь за Медведева по 10 тысяч фунтов. Когда на том же сайте появилось объяснение, что это никакой не охранник, а британский художник Марк Пейтел, и появилась реклама этой выставки – голый Медведев спит в кровати, обняв плюшевого мишку, – все сразу пове-

рили и успокоились. Даже русская служба ВВС сделала по этому поводу сюжет – арт-проект про политику, все логично и понятно.

А теперь оказалось, что никакого британского художника нет, и нас разыграли наши же московские анонимные шутники, так называемый «Монолог ТВ». Это уже достаточно известные последователи Бэнкси, неизвестные герои, специализирующиеся, в основном, на пародиях на наружную рекламу. Под покровом ночи вешают билборд, и потом люди могут целый день мимо этого билборда ходить и не почувствовать подвоха.

Что-то похожее делала в прошлом году ныне куда-то исчезнувшая арт-группа «Овощам. нет». Если кто помнит – они вешали в метро и на автобусных остановках фальшивую рекламу поисковика Google, из которой следовало, что в России невозможно найти независимые суды или свободные выборы. Или, скажем, распространяли календарики – как бы от имени «Единой России» – только на этих календариках ни в одном месяце не было 31 числа. Они говорили, что занимаются чистым искусством, но их акции, конечно, были именно политическим высказыванием, хоть и в стиле Бэнкси.

«Монолог ТВ» делает примерно то же самое. Может быть, вы помните фальшивую рекламу магазина ЦУМ с портретами Владимира Путина и Дмитрия Медведева – многие до сих пор уверены, что это была именно реклама ЦУМа, потому что – ну а что неестественного в том, что модный магазин рекламирует себя с помощью двух модных политиков? Потом они же развешивали пародийные постеры кинофильмов: «Капитан Россия» – Медведев в костюме супергероя и Владимир Путин в образе Джеймса Бонда. Потом «Монолог» мочил Михаила Прохорова – сначала были плакаты со слоганом «Большое тело в большое дело», а потом – те самые желтые прохоровские билборды с расширенной цитатой из «Брата-2»: «Скажи мне, Михаил Прохоров, в чем сила, разве в деньгах? У тебя много денег, и чего?»

Я видел такой билборд на Садовом кольце наутро после изгнания Прохорова из «Правого дела», и выглядело это достаточно мерзко – человека и так только что публично унизили, так теперь еще эти художники улюлюкают вслед. Теперь улюлюкают вслед уходящему Медведеву – он уже не «Капитан Россия», а человек, спящий в обнимку с плюшевым мишкой.

То есть российские последователи Бэнкси внесли в культуру уличного политического искусства важное дополнение. Бэнкси по-русски – это демонстративный лоялизм и верно-подданничество. Это как если бы настоящий Бэнкси поддерживал войну в Ираке, или как если бы советские нонконформисты писали на заборах «Слава КПСС». Смело и бескомпромиссно, правда же?

27 сентября 2011. Зимой после событий на Манежной площади в Интернете приобрел популярность некий текст неизвестного автора – такая художественная миниатюра, лирический герой которой рассказывает, о чем он мечтает. Текст некорректный, цитировать его полностью в эфире я не смогу, но смысл там такой, что здорово было бы, если бы кавказцы подрались с футбольными фанатами, а потом бы приехал ОМОН, и все бы подрались с ОМОНОм, а потом бы в Москве началось наводнение и большой пожар, – ну и так далее, апокалипсис на фоне всеобщего безумия.

Примерно в те же дни состоялся знаменитый концерт фонда «Федерация», во время которого мы увидели Владимира Путина играющим на рояле, и поэтому текст заканчивался вот так: «И чтобы Путин посреди улицы громко играл на рояле, а Медведев стоял рядом, делал фотки и выкладывал в твиттер. И все это показывали по всем каналам как 9/11. И чтобы все это длилось и длилось, а Путин все играл и играл».

И вот сейчас такое ощущение, что эта мечта сбылась – мы наблюдаем что-то невероятно захватывающее и бессмысленное.

Зачем отправили в отставку Алексея Кудрина? Чтобы никто не подумал, что Дмитрий Медведев уже перестал быть президентом. Можно ли эту причину считать достаточной, чтобы сейчас избавляться от почти наверняка незаменимого министра финансов? Это действительно важный вопрос, вот только непонятно, кому его теперь задавать.

Уходящих президентов везде в мире называют «хромыми утками», но этот статус уходящие президенты обычно получают в результате проигранных выборов, а не в результате, как сказал бы отец Всеволод Чаплин, «мирной, спокойной и дружеской передачи власти». Когда вместо выборов – дружеские договоренности, хромота превращается в мутанта.

Хорошо, допустим, отставив Кудрина, Медведев доказал, что он все еще президент. Теперь всем остальным министрам и не только министрам должно быть ясно, что с Медведевым нельзя разговаривать в формулировках типа «я сначала посоветуюсь с Путиным, а потом отвечу на ваше предложение». Но при этом всем министрам и не только министрам должно быть ясно, что если не советоваться с Путиным, то можно и не дожить до весны. И вот что им всем теперь делать?

В те кажущиеся теперь уже далекими времена, когда политологи гадали, есть ли в правящем тандеме раскол, было хорошим тоном говорить, что вся публичная политика в России состоит из манипуляций и пиара, и многие вздыхали и говорили, что мечтают о настоящей политике. Теперь, кажется, настоящая политика началась. Но выглядит она именно так, как в том смешном тексте из Интернета – «все это длится и длится, а Путин все играет и играет». Оказывается, по-другому у нас никто не умеет. Разучились за годы стабильности.

26 сентября 2011. Сейчас модно говорить, что про Путина и Медведева все было ясно с самого начала и что все, конечно, всегда понимали, что в 2012 году Путин снова станет президентом. Я скажу честно, я ничего такого не думал. И мне ничего ясно не было. Более того, я был уверен, что нас до последнего момента будут пугать возвращением Путина, чтобы потом, когда Медведев пойдет на второй срок, все обрадовались бы тому, что еще шесть лет можно будет ждать скорой либерализации, оттепели и чего там еще было принято ждать во времена раннего Медведева.

В анонсах этой рубрики я уже говорил, что ничего не понимаю в политике, вот и еще раз убедился, что не понимаю. И мне это даже приятно, значит живой еще человек, не упырь какой. И вот на правах живого человека, я хочу сейчас посочувствовать делегатам съезда партии «Единая Россия» и всем членам этой партии. Мне кажется, их сейчас действительно стоит пожалеть. Есть такая заезженная поговорка по поводу того, что лучше быть, чем казаться. И вот по соотношению между категориями «быть» и «казаться» нет равных любому единороссу – от рядового активиста до любого топ-менеджера этой партии. Даже Дмитрий Медведев гораздо более адекватен своему публичному образу, чем эта странная партия.

Это вообще невероятно: существует партия начальства, любой сколько-нибудь влиятельный человек обязательно в ней состоит, хоть начальник ДЕЗа, хоть министр. Партия хоть и не очевидными способами, но все равно набирает какие-то гигантские проценты практически на всех выборах. И на декабрьских, конечно, тоже наберет.

На фоне всех остальных российских партий «Единая Россия» выглядит настолько впечатляюще, что ее даже не обязательно называть по имени, достаточно сказать просто «партия», и все и так поймут.

Даже когда оппоненты называют ее «партией жуликов и воров», это тоже ей в плюс, потому что как бы ни была обидна такая формулировка, она не лишает партию субъектности, не ставит под сомнение ее существование.

Съезд этой партии одновременно и парад, и выставка достижений существующей власти. Сильнее всего в фоторепортажах с лужниковского съезда впечатляют снимки парковки:

бесконечные ряды дорогих автомобилей с обязательными синими мигалками. Кажется, весь мигалочный парк был в субботу в Лужниках. А мигалка в России сегодня самый бесспорный символ власти.

Но если «Единая Россия» – это партия власти, то надо признать, что это очень странная власть. Эта партия власти не знала, кто возглавит ее предвыборный список и кто пойдет от нее в президенты даже в те минуты, когда делегаты в Лужниках уже расселись по своим местам.

И этот случай не исключение из каких-то более симпатичных правил, это именно что система. Вспомните любое назначение, любой законопроект, любую инициативу, которая исходила бы от «Единой России» не понарошку. Формально и в президенты Медведева четыре года назад выдвинули они, и Собянина в мэры Москвы – они, и Полтавченко – выдвинутый ими губернатор. Но есть ли на свете хотя бы один человек, который поверил бы, что за эти решения нужно благодарить или проклинать «Единую Россию»? Это ведь не ее решения.

Людам, которым спускают сверху решения, которые они могут только одобрить, – это не власть.

В этом смысле даже самый статусный единоросс с самой крутой мигалкой и самый обыкновенный аполитичный и даже пьяный прохожий абсолютно равны. Причем простому прохожему даже лучше – от него никто не требует делать вид, что он не тот, кем он является. А от единоросса требуют, за свою мигалку он платит постоянным унижением, а это именно унижение, и я уверен, что большая часть тех, кто в субботу аплодировал Путину, это понимают. Я думаю, когда-нибудь они за свое унижение отомстят. Дай бог, чтоб не нам.

28 ноября 2011. Это должно было случиться – вчера мне по страшному секрету один знакомый рассказал, что в Подмосковье уже прибыли чеченский и ингушский ОМОНЫ, которые, в случае чего, в воскресенье будут наводить порядок на улицах Москвы. Наверняка это что-то из области городских легенд, но чем хороши городские легенды – они ведь вполне адекватно отражают то, что витает в воздухе. А воздухе у нас витает странное ожидание каких-то драматических событий.

Избиркомовская инструкция, о которой рассказывали на «Коммерсантъ FM» – поить журналистов и наблюдателей спиртным, отвлекать их звонками на мобильные и так далее, – эта инструкция, конечно, тоже может быть ненастоящей, но и ее можно считать проявлением этого странного ожидания. На него же работают и вполне достоверные новости – и проанонсированный прокремлевскими молодежными движениями «зимний Селигер», и слова Путина об «иудах», получающих какие-то деньги от каких-то западных врагов России.

Есть такой заезженный глагол – «нагнетать». Но, кажется, нет другого обозначения предвыборному настроению – власть действительно нагнетает, и те предвыборные слухи, которых, думаю, на этой неделе будет еще достаточно, превращают достаточно бессмысленную избирательную процедуру, к которой допущены только стерильно лояльные Кремлю партии, в какое-то важное историческое событие. Хотя, конечно, нет ничего исторического и важного в этой скоморошьей процедуре, которая назначена на воскресенье.

У нас как-то слишком мифологизированы девяностые, мы все очень любим о них вспоминать, но почему-то не вспоминаем о том, что власть в России никогда не менялась в результате выборов. Даже Ельцин, о котором сегодня почему-то принято вспоминать как о бунтаре, выигравшем первые свободные президентские выборы, участвовал в президентских выборах 1991 года уже будучи главой Российской Федерации, пусть и достаточно аморфной. И, кстати, точно так же, как Путин, всегда уклонялся от прямой дискуссии с оппонентами, не участвовал ни в одних предвыборных дебатах. По сравнению с нашими временами выборы двадцатилетней давности, может быть, и смотрятся верхом свободного волеизъявления, но и они, строго говоря, были так себе демократической процедурой.

Другое дело, что после 1991 года каждые последующие выборы по сравнению с предыдущими были больше похожи на профанацию, но почему-то о каждых выборах нам говорили, что именно они – судьбоносные, поворотные и так далее. И я даже не говорю о президентских выборах 1996 года или парламентских 1999-го – вспомните прошлые выборы в Госдуму четыре года назад, когда «Единая Россия» со своим «планом Путина» вела себя так, будто враг стоит у ворот, и выбираем мы не эту Госдуму, а буквально отвечаем на вопрос «Жизнь или смерть?»

История постсоветских предвыборных кампаний – это как знаменитая рукопись композитора Листа, на разных страницах которой было написано «быстро», «быстрее», «еще быстрее», «быстро, как только возможно», а потом – «еще быстрее». Глагол «нагнетать» действительно слишком заезжен, но уже очевидно, что другого глагола, который описывал бы русские выборы, просто нет. Мне кажется, эту систему победит тот, кто сумеет остановить это вечное нагнетание. Ну, или оно само дойдет до предела, и тогда – кстати, а что будет тогда, об этом кто-нибудь думал? Вот эти кремлевские нагнетатели – они об этом, интересно, думают?

25 ноября 2011. «История повторяется в виде фарса», – эта поговорка слишком заезжена, но кто виноват, что она исправно работает? Чтобы был понятен свежий пример, предлагаю вспомнить одно пятнадцатилетней давности событие. Мемуаристы, имевшие отношение к ельцинскому Кремлю, любят о нем вспоминать, потому что это действительно была серьезная драма. Весной 1996 года, когда по всем опросам Борис Ельцин очень сильно отставал от Геннадия Зюганова, часть президентской команды во главе с шефом охраны Ельцина генералом Коржаковым не верила, что Ельцин может выиграть выборы. И когда Госдума, которую контролировали тогда коммунисты, подставилась, внезапно денонсировав Беловежские соглашения (практического смысла в этом не было никакого, но как политический жест с точки зрения зюгановских избирателей это смотрелось красиво), Коржаков предложил распустить Госдуму, запретить КПРФ и отменить выборы. Говорят, Ельцин против такого варианта не возражал, и история вполне могла пойти совсем по-другому, если бы Ельцина не отговорили начальник его предвыборного штаба Анатолий Чубайс и дочь Татьяна, которые как-то сумели доказать ему, что выигранные выборы – это лучше, чем государственный переворот. Как именно были выиграны выборы, конечно, все помнят, но это уже совсем другая драма.

Так вот, оказывается, три года назад похожие дискуссии снова шли в Кремле и около. «Думаю, что будет уместно сегодня приоткрыть нашу внутреннюю кухню», – сказал Путин, и мы узнали, что в 2008 году «часть членов правительства» в связи с экономическим кризисом предлагала приостановить полномочия Госдумы, чтобы правительство в зависимости от положения в экономике могло действовать с полностью развязанными руками. То есть всерьез обсуждалось что-то вроде государственного переворота. Если верить Путину, в роли Чубайса и Татьяны Дьяченко на этот раз выступил спикер Госдумы Борис Грызлов, который сумел убедить Путина, что нарушать закон необязательно, я процитирую: «Вы настояли на том, что нужно действовать в рамках законодательства, оставить парламенту то, что ему принадлежит по закону, и тогда вы мне сказали, – говорит Путин Грызлову, – что мы вам обещаем, мы будем принимать эти решения быстро и ничего не затайем».

То есть главным аргументом против неконституционного решения оказалось то, что Госдума и так полностью подконтрольна исполнительной власти. Если бы у них не было Грызлова с его послушной фракцией, они распустили бы парламент и совершенно по этому поводу не комплексовали бы.

Путин с Грызловым теперь открыто об этом рассказывают, и нам остается только поблагодарить их за это – спасибо, что не поддались искушению и сохранили Конституцию,

парламентаризм и священный принцип разделения властей. Я не знаю, как ставится смайлик, когда говоришь по радио, но после словосочетания «разделение властей» я бы поставил десять смайликов.

23 ноября 2011. На Байкальском ЦБК я был в прошлом году, и местные экологи показывали мне памятник, который они поставили недалеко от въезда на комбинат. Памятник достаточно забавный – большой камень, к которому привинчена металлическая табличка с цитатами Владимира Путина, в разное время обещавшего закрыть комбинат и обеспечить его сотрудников рабочими местами. Цитат было много, какие-то слова читались отчетливо, какие-то – не очень, не хватало букв. Экологи объяснили, что букв не хватает, потому что вскоре после установки этого памятника какие-то добрые люди обстреляли его из автоматического оружия – то ли просто из озорства, то ли из желания показать, чем может быть чревата антикомбинатовская активность. Если этот памятник до сих пор там стоит, самое время добавить к выгравированным на табличке цитатам свежие высказывания Путина о «внедрении экологически чистых технологий» и «сохранении рабочих мест».

История Байкальского комбината – это всероссийская сказка про белого бычка, и от этой сказочной интонации не может отделаться и сам Путин, снова процитирую: «комбинат то закрывался, то открывался, и проблема непростая, потому что там люди работают». Тот памятник с цитатами – он, в общем, тоже вполне былинный: налево пойдешь – Байкал погубишь, направо пойдешь – жди социального взрыва. Дискуссии о выборе между экологией и рабочими местами ведутся уже много лет, и вряд ли тот же Путин решится когда-нибудь сделать этот выбор.

Если бы на месте Путина был кто-нибудь из «Гринписа», выбор бы, конечно, был сделан немедленно – комбинат закрыть, людей распустить по домам. Экологи, занимающиеся Байкалом, любят говорить о неисчерпаемом туристическом потенциале озера – это, конечно, правда. Но что нужно сделать, чтобы депрессивный город Байкальск стал модным курортом, не знает, наверное, вообще никто на свете. Байкальск, кстати, город не только депрессивный, но и невероятно вонючий. Запах мокрого картона, которым пахнет целлюлоза – это главная достопримечательность города, озеро Байкал – на втором месте. А на третьем, кстати, клубника. Местные огородники удобряют клубничные грядки отходами с ЦБК, и эти отходы обеспечивают какие-то гигантские клубничные урожаи, которые потом развозятся по всей Сибири. Клубника наверняка тоже не вполне экологически чистая, но не будет комбината, не будет и ее.

А что будет? Да так и будет длиться бесконечный разговор о будущем комбината. Пройдет год, два, десять, комбинат будет то запускаться, то останавливаться, Путин сделает еще десяток заявлений о судьбе предприятия, экологи дополнят этими цитатами надпись на своем памятнике, и никто так никогда и не узнает, что лучше – экология или рабочие места. Россия – сборник неразрешимых задач, пора бы уже к этому привыкнуть.

21 ноября 2011. Вообще-то это выглядит как классическая задачка для учебников по политологии: уходящий президент неожиданно решил не выступать с посланием парламенту. Собственно, все политологи и бросились эту задачку решать, причем примерно одинаково: кто-то говорит, что логичнее выступить с посланием перед новым составом Госдумы, кто-то считает, что президенту трудно сформулировать послание в предвыборной обстановке, кто-то ссылается на предвыборные рейтинги, ну, все как обычно. Но чем любая абстрактная задачка отличается от реальной ситуации? Тем, что условия задачки, как правило, игнорируют контекст. Популярная шутка про сферического коня в вакууме – она ведь об этом. И мне совершенно не хочется говорить о сферическом президенте в вакууме, это просто бессмысленно. Важен контекст.

И контекст, в котором Дмитрий Медведев находится уже два месяца, таков, что до сих пор его почему-то не останавливали ни рейтинги «Единой России», ни собственный неочевидный статус, ни вообще что-то. С конца сентября президент Медведев регулярно выступает с разными речами и интервью, высказывается буквально обо всем на свете и всей своей публичной активностью демонстрирует какую-то фантастическую беззаботность.

Бадминтон, Angry birds, уборка кукурузы, социальные сети, комиксы про троллей – из речей президента можно составить универсальный справочник, который можно засунуть в космический аппарат «Фобос» и отправить на Марс, чтобы марсиане получили представление о том, насколько увлекательна жизнь людей на Земле. На фоне такого тематического многообразия президентских речей глупо всерьез рассуждать о том, что президент откладывает послание, чтобы оно не затерялось в предвыборной суете.

Стоит, кстати, вспомнить как весной и летом, когда политическое будущее Дмитрия Медведева еще казалось не таким, каким оно оказалось в итоге, каждое появление президента на публике сопровождалось множеством утечек и прогнозов по поводу того, что именно в этой речи или именно на этой пресс-конференции Медведев объявит, что идет на второй срок, или что отправляет в отставку правительство, или еще что-нибудь. Каждый раз такие прогнозы не оправдывались, потом был съезд «Единой России», и после него начался бесконечный марафон президентских речей о бадминтоне и прочем.

В этом безумном непрекращающемся потоке президентских слов новость о переносе послания выглядит, мне кажется, вполне однозначно. Молчание президента – это и есть его настоящее послание. Он мог бы выйти в положенный срок на парламентскую трибуну и произнести очередной набор известных уже наизусть фраз о модернизации, инновациях и химической кастрации, и никто бы ничего не заметил. Но он почему-то решил промолчать.

Может быть, это странно прозвучит, но я действительно не верю, что они с Путиным обо всем договорились много лет назад. На съезде «Единой России» два месяца назад Медведев не выглядел человеком, у которого все идет по плану.

Я думаю, эти два месяца его новой жизни для Медведева – такой же неприятный период, как и для всех, кто не хочет состариться и умереть при Путине.

Я думаю, молчание Медведева – это единственная доступная ему форма политического протеста.

14 ноября 2011. Если бы я, не приведи Господи, был президентом Таджикистана, то, полемизируя сейчас со своим российским коллегой по поводу ситуации с летчиком Садовничим, я бы напомнил Дмитрию Медведеву его многочисленные высказывания о недопустимости любого давления на любой суд.

Было время, когда российский президент любил заявлять, что давить на суд нельзя. Он говорил об этом и в связи с судом над Ходорковским и Лебедевым, и просто так. Сегодня я искал на президентском сайте соответствующие цитаты, и их действительно много. Например, в январе этого года Дмитрий Медведев говорил, цитирую: «Ко мне очень часто обращаются с предложениями, иногда жесткими заявлениями: «Президент, ну-ка поправь-ка этот суд», – говорил президент в январе этого года. – Вот с этого болезнь-то и начинается». Болезнь!

Еще одно президентское высказывание на эту тему почти буквально описывает нынешнюю ситуацию с летчиком в Таджикистане, снова цитирую: «Кстати, ко мне обращаются с такими просьбами даже руководители иностранных государств. Это уму непостижимо! Никакого правового государства у нас не будет, если руководители любого уровня, начиная от президента и заканчивая сельским старостой, будут поучать и требовать, давить на суд». Если бы я был Эмомали Рахмоном, я ответил бы российскому президенту: «Эй, господин Медведев! Мы, таджики, всегда смотрели на Россию как на более цивилизованную державу,

мы учились у вас, и когда вы говорили, что на суд давить нельзя, даже если об этом просит президент другого государства, мы верили вам. А теперь вы требуете, чтобы я давил на свой таджикский суд, грозите асимметричными мерами и, судя по поведению вашей миграционной службы, уже принимаете эти меры. Как это понимать, господин Медведев? – спросил бы я, если бы я был президентом Таджикистана. – Вы обманывали нас? На суд давить можно?»

И, наверное, хорошо, что во главе Таджикистана стою не я, а Эмомали Рахмон, который не спорит с президентом Медведевым, а соглашается с ним, обещает надавить на суд и не вспоминает ни слова из того, что Дмитрий Медведев говорил когда-то. Просто Рахмон понимает, что ловить российского президента на слове бесполезно.

После сентябрьских событий на съезде «Единой России» все, что когда-то было сказано Дмитрием Медведевым, превратилось, как в старой сказке, в одну большую политическую тыкву. «Свобода лучше, чем несвобода», – говорил когда-то тот же президент, который сегодня предлагает ужесточить наказание по единственной стопроцентно политической статье Уголовного кодекса, статье 282.

О недопустимости давить на суд говорил тот же президент, который теперь публично давит сам хоть и на таджикский, но все-таки суд. В старину в таких ситуациях было принято предполагать, что царя подменили. Жалко, что сейчас такие объяснения уже не срабатывают.

10 ноября 2011. С тех пор, как политическое будущее Дмитрия Медведева, скажем так, определилось, действующий президент практически каждую неделю проводит предвыборные встречи. Сначала он встретился со своими сторонниками, потом была встреча с молодежью на журфаке МГУ, потом – встреча с инноваторами, вчера – встреча с интернет-активистами. Я не знаю, как это выглядит со стороны, допускаю даже, что, если следить за всем этим вполглаза, можно не заметить подвоха, но подвох от этого никуда не девается, он есть.

Вы знаете, что сторонники на «Красном октябре», молодежь на журфаке, инноваторы в Сколково и блогеры в «Новом манеже» – это одни и те же люди? Была такая шутка, про моряка, летчика и шофера, которым хорошо, потому что на пристани, в аэропорту и на автостанции каждого ждет девушка, и только девушке плохо, потому что ей нужно бегать то на пристань, то в аэропорт, то на трассу.

Вот что-то такое происходит сейчас с Медведевым – его таскают по разным аудиториям, в каждой из которых его встречает в лучшем случае с вопросом об Angry Birds популярный блогер Коробков-Землянский, который вчера был переодет блогером, позавчера молодым ученым, а месяц назад – студентом.

Вчерашняя встреча – четвертая за месяц с небольшим и явно не последняя. Впереди наверняка еще много поводов, когда под разными названиями и в разных интерьерах повторится то же самое: создатель сайта «Пробок. нет» поговорит о пробках, представители проекта «Стопхам» – о неправильно паркующихся водителях, а борцы с детской порнографией – о детской порнографии. Функционеры известных молодежных движений, которых когда-то было принято называть «ликующей гопотой», теперь изображают гражданских активистов и бог знает кого еще.

Медведеву можно посочувствовать – жизнь его теперь превратилась в один непрекращающийся Селигер, который делается еще более выразительным на фоне публичной активности Владимира Путина, у которого, например, вчера была Всероссийская конференция транспортников, на которой он рассказывал о новых подводных лодках на Северном морском пути. На фоне новых подводных лодок любые Angry Birds выглядят, согласитесь, еще убедительнее.

27 декабря 2011. Над путинской идеей по поводу «общенациональной психотерапии» на телевидении и в Интернете можно было бы поиздеваться – еще полторы недели назад

во время своей «прямой линии» Владимир Путин хвастался, что не пользуется Интернетом, а теперь говорит, что им надо пользоваться. Если все так пойдет дальше, так он и твиттер заведет.

Шутить по этому поводу можно много, но все шутки будут выглядеть натянуто – это ведь даже не смешно, это вызывает неловкость.

«Государству необходимо наращивать присутствие на телевидении», – говорит Путин. Что он имеет в виду? Что его четырехчасовые эфиры «прямых линий» должны быть шестичасовыми? Что Екатерине Андреевой нужно присвоить генеральское звание? Что начавшаяся много лет назад государственная атака на все общедоступные телеканалы была слишком мягкой, и нужно еще раз разогнать НТВ? В России все федеральные телеканалы контролируются государством и обслуживают государство.

Полностью подконтрольное власти телевидение – это, может быть, самый яркий символ всей путинской эпохи. Эрнст, Добродеев и Кулиستиков значат для Кремля не меньше, чем любые силовые министры – «государственное присутствие на телевидении» давно стало абсолютным, а Путин хочет его увеличить – видимо, до пресловутого 146 %.

С Интернетом, который, конечно, несравнимо свободнее телевидения, все не так однозначно, но Путин, по крайней мере до прошлой недели, не пользовался Интернетом, и, скорее всего, просто не знает – не снисходил. Государственному присутствию в Интернете, в отличие от телевидения, есть куда расти, но только потому, что количество федеральных каналов конечно, а Интернет бесконечен. В абсолютном же исчислении людей, получающих деньги от околосударственных структур за пропагандистскую активность в Интернете, может быть, даже больше, чем на всех государственных телеканалах.

В свое время много шума наделала матерная цитата в твиттере президента Медведева. За это даже потом пресс-служба извинялась – мол, техническая ошибка. Техническая или нет, но президент цитировал депутата Госдумы прошлого созыва Константина Рыкова, лет пять назад стоявшего у истоков интернет-пропаганды «за Путина». Кстати, тогдашний партнер Рыкова по этим проектам Алексей Жарич теперь главный по пиару на известном нижнетагильском предприятии, и патриотическая активность тагильских рабочих, в общем, легко объясняется. А последним достижением Рыкова стоит считать онлайн-движение «ДА» в поддержку Дмитрия Медведева, созданное этой осенью, и уже, кажется, благополучно зачахнувшее – но пять лет назад Рыков был один, а теперь на рынке интернет-лоялизма десятки игроков. Вирусные ролики, «выведения в топ», ссылающиеся друг на друга боты, блогеры, пишущие то, что им говорит заказчик из Росмолодежи. Владимир Путин просто не в курсе, что эта индустрия существует и процветает, а то, что от нее нет никакой пользы – так это не потому, что она слаба, а потому, что «общенациональная психотерапия» – это совсем не то, что нужно сегодня российскому обществу.

23 декабря 2011. Конечно, вчерашние инициативы Дмитрия Медведева не были реакцией на требования Болотной площади и, конечно, эти реформы продумывались в течение последних полутора лет. И в это можно было бы поверить, если бы Дмитрий Медведев вчера заговорил о губернаторских выборах впервые в жизни.

Но он говорил о них и раньше – например, еще этой весной, в мае на своей сколковской пресс-конференции (тогда, напомним, многие ждали от Медведева, что он сейчас скажет о своем намерении идти на второй срок) президент сказал, что в ближайшие 10–15 лет выборы губернаторов возвращены не будут. Я процитирую: «Я считаю, – сказал Медведев полгода назад, – что в ближайшей перспективе, в обозримом будущем, эту процедуру было бы правильно сохранить в том виде, в котором она есть, потому что она позволяет достаточно эффективно управлять государством». Он допустил, что, снова цитата, «через какое-то количество лет, во всяком случае, если не мною и не, допустим, теми, кто будет работать в

ближайшие 10–15 лет, эта процедура может быть изменена», но «для этого должны созреть предпосылки». Это, еще раз напомню, было сказано в мае этого года.

И это не единственное высказывание Дмитрия Медведева по поводу губернаторских выборов. Два года назад, осенью 2009 года, встречаясь с политологами из клуба «Валдай», президент был еще более категоричен. «Я лично участвовал в этом решении об изменении механизма наделения полномочиями, – сказал президент. – Я считаю его абсолютно правильным. Я не вижу условий, при которых мы могли бы от этого решения отказаться ни сейчас, ни через сто лет», конец цитаты.

Итак, сто лет пролетели за два года, а «10–15 лет» – за семь месяцев.

Предпосылки созрели. По этому поводу можно много шутить, но шутить уже надоело. Давайте серьезно. Сейчас они говорят нам, что давно планировали эти реформы. Вариантов два – или врут, или говорят правду. По умолчанию, мне кажется, к людям нужно относиться хорошо, поэтому давайте предположим, что это правда, и что послание президента – это не ответ на Болотную площадь, а то, что готовилось давно и тщательно.

Но если это так, то получается, что все предыдущие слова президента – это была неправда. То есть хорошо, они готовили эти реформы полтора года, просто никому об этом говорили. Но тогда получается, что неправдой было все, сказанное прежде – и про 15–20 лет, и про 100 лет.

Получается, что Кремль вчера действительно решил проблему выбора – теперь каждый может сам выбрать, что считать неправдой – президентское послание или все предыдущие слова президента.

21 декабря 2011. Я готов согласиться с тем, что аргументы Владимира Путина по поводу Кавказа убедительны и неопровержимы. Путин говорит, что если от России отделить Кавказ, то «в эту же секунду, даже не час, а секунду, найдутся те, кто захотят сделать то же самое с другими территориальными образованиями России», и оспорить этот прогноз практически невозможно – единственный опыт распада страны, который у нас с вами есть – это опыт распада Советского Союза, когда тоже все началось с одной Прибалтики, а закончилось сами помните чем. Поэтому – да, Путин убедителен и даже прав. Только дело совсем уже в другом.

Это как в известном анекдоте, который заканчивается словами – «Вы уже торгуетесь, ваше величество?» Когда против какого-нибудь обстоятельства выдвигаются пусть даже самые неопровержимые и железобетонные аргументы, это значит, что дискуссия уже началась.

Никому не приходит в голову приводить аргументы в пользу того, что Волга впадает в Каспийское море – это и так понятно и в дополнительных защитных аргументах не нуждается. Никому не приходит в голову дискутировать по поводу возможности гей-парада в Пхеньяне – такой проблемы просто нет, и даже самый радикальный ЛГБТ-активист не станет требовать от Ким Чон Ына, чтобы он разрешил гей-парад у себя в стране – это был бы уже какой-то запредельный абсурд.

Аргументы Путина могут быть вполне убедительны, но они уже высказаны, и значит, рано или поздно найдутся убедительные аргументы в пользу отделения Кавказа.

Представить сегодня Грозный и Махачкалу столицами иностранных государств вроде Баку и Ташкента практически невозможно. Я даже не уверен, что в северокавказских республиках есть политические силы, всерьез рассчитывающие на отделение от России – но это, в общем, тоже не имеет значения, потому что еще в 1990 году сепаратистов не было ни в Туркмении, ни в Казахстане, что не помешало этим странам через год с небольшим вступить в ООН.

То, что Путину приходится эмоционально и экспрессивно возражать разговорам о распаде России, перечеркивает одну из базовых ценностей путинского двенадцатилетия. Много лет нам объясняли, что в девяностые страна находилась на грани распада, и только Путину удалось ее удержать.

Во имя целостности страны Путин отменял выборы губернаторов и приводил политическую систему к ее нынешнему состоянию. Даже путинская партия называется «Единая Россия». Все отлично, но почему же теперь Путин опять говорит о распаде страны как о ныне существующей политической угрозе?

6 февраля 2012. Исторический анекдот в пересказе исторического деятеля становится новым историческим анекдотом. Рассказывая о диалоге императора с Бенкендорфом, спросившим Николая, с кем он останется, если искоренит мздоимство, Владимир Путин отвечает на этот вопрос: «Мы знаем, с кем мы останемся». Этой фразой можно подписывать фотографии с субботнего «антиоранжевого митинга» на Поклонной горе – собственно, все уже видели с кем остался Владимир Путин, и в этом смысле его оптимизм вполне трогателен.

«Мы справились с олигархией, справимся и с коррупцией», – обещает Путин, и российские олигархи, в том числе и те, которых в 90-е еще не существовало, могут повесить этот слоган над своими рабочими столами – мы делаем вид, что вы с нами справились, вы делаете вид, что справитесь с коррупцией. Кстати, когда Путин говорит «мы», он имеет в виду, снова процитирую – «мы с Дмитрием Медведевым, работая на посту Президента страны». Эта формулировка столь очаровательна, что она обязательно станет самодостаточным афоризмом. Согласитесь, трудно было сгенерировать такую формулировку, из которой бы невозможно было понять, кто именно был президентом – Путин или Медведев.

Еще один афоризм: «В условиях коррупции репрессии тоже могут стать предметом коррупции», – как говорят в Интернете, «спасибо, капитан Очевидность». Интернет, кстати, на который у Путина до этого декабря не хватало времени, теперь становится его любимой темой: кандидат в президенты уверенно оперирует термином «краудсорсинг», обращается к «сообществам словесников и веб-дизайнеров» и знает, что в Интернете «доступна любая информация о политических дебатах в парламенте, о состоянии мировых рынков, о браках и разводах голливудских звезд».

В тексте, конечно, есть какие-то элементы старого политического стиля – вот все эти конструкции типа «восстановить народный суверенитет – основу подлинной демократии», но на них даже не хочется обращать внимание, «народный суверенитет» – это, видимо, что-то вроде «суверенной демократии», такой специфический кремлевский сленг.

Что действительно бросается в глаза в путинской статье: автор тщательно обходит стороной тему уличных протестов, делая вид, что и без них он 12 лет готовился к тому, чтобы заговорить о развитии демократии и о «новых механизмах участия». Только в одном месте он не выдерживает и пишет, что «изменившиеся требования к власти, выход среднего класса из узкого мирка строительства собственного благосостояния – это результат наших усилий», и повторяет: «Мы на это работали».

Работали, да. Только, наверное, совсем не так, как хотелось бы автору текста. То есть он действительно хотел бы задушить протестующих в своих объятиях, но, кажется, это уже почти невозможно – с самого начала протестов Путин как минимум на полшага отстает от Болотной площади. Когда еще можно было что-то изменить, он говорил о бандерлогах и презервативах, а когда на головном баннере шествия написано «Россия без Путина», а потом Болотная площадь принимает резолюцию под заголовком «Ни одного голоса Путину» – как-то неловко уже делать вид, что происходит именно то, чего хотел Путин. Если бы статья о демократии была написана хотя бы до думских выборов и, не знаю, хранилась бы в какой-

нибудь капсуле с проставленной на ней датой, это еще можно было бы обсуждать всерьез. Но статья написана сейчас.

20 января 2012. «Я этому рад, я этого хотел», – говорит Владимир Путин о протестных демонстрациях. А сутками раньше Борис Грызлов, который до сих пор возглавляет высший совет партии «Единая Россия» говорил, что «митинги показали, прежде всего, уровень развития нашего гражданского общества» и что «оно в России уже есть, оно активно». А еще за два дня до этого начальник Росмолодежи Василий Якеменко сказал, что «происходящее – цивилизованный запрос продвинутой части общества на перемены». А в декабре тогда еще первый заместитель кремлевской администрации Владислав Сурков сказал, что на Болотной площади митинговала «лучшая часть общества». И в «той самой» телевизионной «прямой линии» Владимир Путин, прежде чем сорваться на разговоры о «бандерлогах», тоже говорил, что считает протесты среднего класса своей заслугой – ведь все эти люди сформировались при, как сказал сам Путин, «путинском режиме».

Наверное, такое количество почти одинаковых высказываний уже можно считать тенденцией – власть, кажется, поняла, что ругаться по поводу «раскачивающих лодку» бессмысленно, и пытается теперь задушить их в объятиях. Я не удивлюсь, если 4 февраля на очередное протестное шествие выйдет кто-нибудь из соратников Путина или даже, может быть, сам премьер – действительно, если Путин рад протестам и хотел их – зачем же ему их игнорировать?

Элементы абсурда в российской политике играли очень важную роль всегда, но сейчас ситуацию можно считать уникальной – кроме абсурда вообще ничего не осталось. Но, если разобраться, в поведении Путина сейчас ничего ведь не изменилось. Вот что мы можем сказать о его политических взглядах или идеологических ценностях? Путин – кто? Левый или правый? Консерватор или реформатор? Националист или интернационалист? Вчера на встрече с футбольными фанатами он предлагал им «отбуцкать за углом» главу футбольного союза Сергея Фурсенко, а неделю назад обнимался с «отбуцканным» до полусмерти журналом Бекетовым – нет ли в этом противоречия?

И вы знаете – противоречия ведь на самом деле нет. Путин всегда говорил только то, что, как ему кажется, хотят от него услышать. Это единственный его принцип, и в этом принципе он абсолютно последователен, второго такого политика в русской истории, может быть, и не было никогда. На этом принципе много лет держался его знаменитый рейтинг, на этом принципе много лет выезжала «Единая Россия», рекламным лицом которой всегда был Путин, и этот принцип теперь сыграл с Владимиром Путиным очень злую шутку.

Потому что митинговали люди все-таки совсем не в поддержку Путина, и если бы кто-нибудь сказал им с трибуны, что «уровень развития гражданского общества» – это заслуга Путина, они освистали бы такого оратора сильнее, чем даже Ксению Собчак. Но Путин же всегда говорит то, что хотят от него услышать. И происходит замыкание. «Россия без Путина» и подпись «Владимир Путин» – как-то так.

19 января 2012. Иногда я ставлю себя на место типичного сторонника Владимира Путина и задумываюсь, как бы я отреагировал на очередной неочевидный поступок российского премьера. Обычно получается неплохо – всегда можно найти какой-нибудь аргумент в защиту, это вообще такая интересная игра. Но как бы я отреагировал на замечания Путина по поводу национальности Акунина, я придумать не смог. Наверное, никак. Сделал бы вид, что эта реплика не заслуживает внимания, сказал и сказал, проехали. По-моему, разумных аргументов, оправдывающих перевод политической дискуссии в разговоры об этническом происхождении, просто не существует.

Вообще же я рад, что Путин это сказал. Я рад не из принципа «чем хуже, тем лучше», а потому, что путинское высказывание вообще-то свело на нет все усилия по наклеива-

нию этого ужасного ярлыка – «националист» или даже «фашист» на некоторых оппонентов Кремля. Фашистом много лет называли Эдуарда Лимонова, но Лимонов никогда не говорил, например, Тине Канделаки, что она критикует его потому, что она грузинка.

Алексея Навального часто упрекают в национализме, но и Навальный ни в одном из своих выступлений никогда не позволял себе делать выводов на основании того, что кто-то из его оппонентов – «этнический грузин» или «этнический армянин». Я вообще не помню такой риторики на таком уровне – даже, простите, в годы «борьбы с космополитизмом» первое лицо таких высказываний себе не позволяло.

Но я не стану клеймить Путина и грозить ему 282-й статьей Уголовного кодекса. Тут интереснее другое – Путин ведь очень хороший оратор, и в какие-то случайные оговорки, сделанные под воздействием эмоций, я не очень верю. Понятно, что правду знает только сам Путин и, может быть, кто-нибудь из его окружения, я правды не знаю, но все-таки предположу: про грузина Акунина – это была домашняя заготовка. Путин мог ожидать, что имя Акунина прозвучит на этой встрече с редакторами, и он счел «этнический аргумент» заслуживающим использования. Зачем? Чтобы доказать Алексею Венедиктову неправоту Акунина? Не думаю. Взгляды Венедиктова известны, и от такой аргументации его гарантированно передернуло бы. Нет, Путин обращался не к Венедиктову – он обращался к избирателям.

Я много раз уже говорил об этом странном мифе, который очень любят в Кремле – мифе о том, что если завтра в России пройдут по-настоящему честные выборы, на этих выборах обязательно победят националисты. Это неправда, но, думаю, власть так часто об этом говорила, что в конце концов сама поверила, что Россию населяют такие люди, которые только и мечтают о том, чтобы устроить хотя бы небольшую этническую чистку.

И указывая на грузинское происхождение Акунина, Путин подмигивает этой выдуманной аудитории – смотрите, мол, я такой же, как вы. А люди смотрят на Путина и думают – нет, брат, ты не такой же, как мы. Ты Путин.

17 января 2012. Когда еще до президентского послания Владимир Путин во время своей «Прямой линии» проанонсировал возвращение губернаторских выборов, какой-то достаточно мелкий политтехнолог, работающий на «Единую Россию», написал у себя в блоге, что на улице людей его профессии перевернулся грузовик с пряниками, а еще один его коллега тоже в блоге написал, что теперь он, наверное, купит себе «Роллс-Ройс», чтобы ездить за картошкой.

Я так подробно пересказываю эти неочевидные шутки, потому что это – два из двух случаев, когда я наблюдал чью-то радость в связи с решением вернуть выборы глав регионов.

При этом ни от кого из митинговавших на Болотной и на проспекте Сахарова – а с такими людьми я общаюсь, может быть, даже больше, чем надо, – я не слышал ни одного слова радости по этому поводу, хотя, конечно, что бы там ни говорили профессиональные разъяснители кремлевских слов, решение вернуть выборы глав регионов стало прямым ответом власти на декабрьские митинги.

Если бы выборы вернули хотя бы год назад, это однозначно воспринималось бы как либерализация и настоящий подарок оппозиции. Но декабрьские митинги изменили порядок требований, повысили планку – люди выходили на площадь совсем не ради «консультаций с президентом, порядок проведения которых определяется президентом».

Российская власть – это очень неповоротливый механизм. Путь какой-нибудь идеи от высказывания до реализации может тянуться годами. То, что происходит с губернаторскими выборами – это невероятная по кремлевским меркам скорость. В начале декабря выступил Путин, в конце декабря – Медведев, и теперь помощник президента Лариса Брычева говорит,

что законопроект о губернаторских выборах уже внесен в Госдуму, и даже «президентского фильтра», о котором говорил Владимир Путин, в этом проекте нет.

А ведь отмена губернаторских выборов была, как нам много лет говорили, важнейшим завоеванием путинской политсистемы. И если даже в результате, в общем, слабых гражданских выступлений эта система так запросто согласилась пожертвовать одним из своих главных завоеваний – это как-то совсем грустно выглядит.

Если власть с такой легкостью отказывается от того, что было для нее важным еще вчера – значит, у власти вообще нет ни ценностей, ни стратегии, ни идеологии – вообще ничего.

И если протестующих с Болотной этот шаг совершенно точно в лучшем случае оставит равнодушными, то реакцию сторонников Путина увидеть будет интереснее – многие ведь всерьез поддерживали отмену губернаторских выборов. Уверен ли Путин, что он сейчас не рискует доверием этих людей?

Есть такая популярная кинематографическая байка – фильм «День выборов» долго не брали прокатчики, и тогда создатели решили показать его Путину. Путин фильм одобрил, но попросил поставить в конце титр – мол, в 2004 году губернаторские выборы были отменены. Фильм действительно вышел с таким титром, все его видели. Интересно, сейчас этот титр нужно будет вырезать?

13 января 2012. Почти одновременные высказывания генпрокурора Чайки и секретаря Совбеза Патрушева о вреде Интернета – это еще, конечно, не кампания, но уже свидетельство популярности этой точки зрения: Интернет – зло, социальные сети – зло, враг не дремлет. Сюда же я бы отнес и комментарии пресс-секретаря Владимира Путина Дмитрия Пескова по поводу недоброжелательных обращений к Путину на его новом предвыборном сайте – Песков считает, что это, цитата, «боты работают».

Ботами раньше называли интернет-роботов, запрограммированных на то, чтобы оставлять какие-нибудь дурацкие комментарии, чаще всего со спамом, в блогах и на форумах. В последние годы это понятие расширилось, ботами называют теперь и живых пользователей, комментирующих публикации в Интернете так, как того хочет заказчик, и получающих за это деньги. В любом случае, Песков говорит о том же, о чем и Чайка с Патрушевым, только другими словами – оппозиционная активность в Интернете возникает не сама по себе, за ней обязательно кто-то стоит.

Мы привыкли ностальгировать по каким-то совсем отдаленным временам, но чем больше я слышу вот такую абсолютно китайскую риторику по отношению к Интернету, тем с большей нежностью вспоминаю совсем недавние времена, когда президент России не говорил, что Интернет и соцсети – это зло, напротив – у него были аккаунты во всех популярных социальных сетях, и он, совсем не пугаясь ни ботов, ни финансирующей их заграницы, выходил в Интернет и писал – про модернизацию, про бадминтон, про ЖКХ – да вообще про все на свете. Понятно, что его активность в соцсетях держалась, скорее всего, на специальных сотрудниках, получающих за это зарплату – но я верю, что и сам он, по крайней мере, иногда оставлял в соцсетях собственные твиты, посты и статусы. Я помню, например, как однажды ночью он вывесил в Твиттере кавээновский ролик с пародией на себя самого и подписал его «Как я провел этим летом», и это было очень трогательно, даже несмотря на то, что ролик был несмешной и нелепый. Да и знаменитый декабрьский ретвит про баранов, который потом пресс-служба неуклюже удаляла, объясняя его появление ошибкой технического специалиста – это, я уверен, тоже был он сам, я это по себе знаю – когда читаешь Твиттер, и что-то тебе понравилось, ты сначала ретвитишь, и только потом задумываешься, как это выглядит и есть ли там мат.

Это было совсем недавно. Президент, который при всем своем несовершенстве, никогда бы не позволил себе говорить брезгливо – я, мол, не пользуюсь Интернетом, у меня на это времени нет. Мы смеялись над его Твиттером и гаджетами, мы не ценили его – и теперь Чайка с Патрушевым говорят нам, что «популярность Интернета зачастую играет на руку экстремистски настроенным гражданам». И, думаю, мы еще много таких слов услышим – и от них, и еще много от кого. Самое время поностальгировать по временам президента с iPhone – кстати, где он теперь? Я давно не видел его в Твиттере.

18 мая 2012. В сентябре прошлого года, поменявшись местами в своем тандеме, Владимир Путин и Дмитрий Медведев говорили, что такое решение – поменяться местами – они приняли очень давно, просто тщательно его скрывали. Я не верю, что это было давнее решение, но доказательств тому, что Путин и Медведев нас обманывали по поводу своих договоренностей, у меня нет, поэтому приходится смириться с официальной версией этой рокировки. Будем считать, что она действительно была запланирована задолго до прошлой осени.

Но даже если это так, стоит признать, что это была не идеально продуманная политическая комбинация. Ее авторы не учли, по крайней мере, одну важную вещь. Не придумали, как должен вести себя Дмитрий Медведев после того, как он станет премьер-министром. Не прописали для него роль – забыли, наверное. И теперь ему приходится пользоваться старыми, президентскими еще времен, заготовками.

Выступление на юридическом форуме в Петербурге – явно одна из таких заготовок. Если бы эту речь произносил президент Медведев, все было бы нормально; ну, то есть не нормально, но понятно: президент-модернизатор в очередной раз намекает на свое несогласие с жесткой политикой Путина и его партии «Единая Россия», дает политологам пищу для разговоров о расколе тандема, ну и так далее. Это речь для позапрошлого года, это язык позапрошлого года. И сейчас вдруг премьер Медведев разговаривает на этом позапрошлом языке. «Сформировался запрос со стороны гражданского общества на качественную, эффективную и открытую для общения власть», – говорит премьер. И дальше: «Мы сами должны меняться, а не просто ужесточать ответственность или выключать Twitter во время гражданских беспорядков». Это как бы полемика с «Единой Россией», которая как раз уже почти приняла закон об ужесточении ответственности за митинги (те самые полуторамиллионные штрафы). Такая полемика органично смотрелась бы в исполнении беспартийного президента, но теперь этими словами говорит, между прочим, лидер «Единой России». Где он был, когда этот законопроект придумывали и готовили? Почему его мнение об этом проекте прозвучало только сейчас?

Он не следит за жизнью своей партии? Он стесняется комментировать партийные новости? Он по старой юридической привычке боится оказывать давление на свою партию, путая ее с судом? Тогда почему он заговорил об этом сейчас? Может быть, он хочет пожаловаться на партию, которая ему досталась? Или он просто по ошибке произнес старую речь, написанную для какого-нибудь форума четырехлетней давности, когда он говорил, что свобода лучше, чем несвобода?

Тот образ Медведева, который конструировался на протяжении всех четырех лет его президентства, выглядит сейчас в лучшем случае неактуально. Но, кажется, другого образа для Медведева никто не придумал. Забыли, не учли, не подумали.

13 апреля 2012. Весной 2008 года одним из последних своих президентских указов Владимир Путин сформировал правительственную комиссию по подготовке тысячелетия Ярославля. Председателем этой комиссии он назначил одного из первых вице-премьеров. Первый вице-премьер – нормальный уровень для такой комиссии, и это назначение выгля-

дело бы вполне логично, если бы не одно обстоятельство – того вице-премьера звали Дмитрий Медведев, и про него уже было известно, что он через несколько недель станет президентом России, то есть вице-премьерское поручение он будет исполнять уже в ранге президента. Надо сказать, что Медведев действительно руководил этой комиссией до самого юбилея, ездил в Ярославль с инспекциями и вел себя так, будто это вполне президентское дело – впрочем, он во многих ситуациях так себя вел, но смотрелось это достаточно забавно. Если и бывает у президентов дедовщина, то история с комиссией по организации юбилея Ярославля выглядела как хрестоматийный случай такой дедовщины.

Эту историю я вспомнил сейчас, когда прочитал список президентских поручений по развитию московской агломерации. Здесь ситуация зеркальная – уже Дмитрий Медведев как уходящий президент дает поручения Владимиру Путину, который станет президентом через несколько недель. Но эти поручения выглядят совсем не как президентская дедовщина.

И дело не только в том, что вообще странно видеть имя Владимира Путина с пометкой «ответственный» в чьем бы то ни было документе. У нас обычно сам Путин такие документы и подписывает, это он решает, кому и за что быть ответственным. Но дело не только в этом.

Медведев поручает Путину «представить предложения по передислокации государственных органов на территорию, присоединяемую к г. Москве с 1 июля 2012 года» – речь идет о расширении Москвы и о переезде федеральных учреждений в подмосковные поля, которые скоро должны стать Москвой. Срок действия поручений по разным пунктам – самое раннее 1 мая, самое позднее 1 ноября, то есть Владимир Путин останется ответственным за эти поручения, уже будучи президентом. И это Путину придется реализовывать одну из многих инновационных медведевских идей, которых за последние годы скопилось достаточно.

А история с расширением Москвы – это же совсем из какой-то прошлой жизни. И президентом тогда был Медведев, и губернатором Подмосковья – Борис Громов, ну и вообще – другое было время. Теперь Подмосковьем руководит Сергей Шойгу, который уже высказывался в том духе, что если и переносить столицу, то в Сибирь, а на перспективу передачи части своего региона Москве реагирует без энтузиазма. Об отношении Владимира Путина к переездам известно, что он их не любит – уже объявлено, что после инаугурации он так и будет жить в Ново-Огарево, которое остается его резиденцией с 2000 года, какую бы должность он ни занимал.

Сейчас о переезде федеральных учреждений почему-то говорят, как о решенном деле, но давайте вернемся к этой истории, например, через год, и мне почему-то кажется, что никто никуда не переедет. Собственно, поэтому и не стоит воспринимать поручение президента будущему президенту как проявление дедовщины. Это все-таки по-другому называется.

5 марта 2012. С Владимиром Путиным я не знаком и поэтому слабо представляю себе те чувства, которые он испытывает сейчас. Я совершенно не хочу фантазировать и гадать, что именно вызвало его слезы – радость, грусть или просто мартовский ветер Манежной площади. Я не знаю. Для меня Путин – это не тот человек, который плакал в воскресенье на Манежной, а те люди, которых я наблюдал последние месяцы и лично, и через социальные сети, и через газеты – те, кто в последние месяцы был на виду именно как публичный сторонник Владимира Путина. Путин этой ночью цитировал Есенина, и я тоже процитирую, заменив одну фамилию. «Скажи, кто такое Путин? – Я тихо ответил: Он – вы». Вот это про них. Многих из этих людей я знаю и, как мне кажется, понимаю. И вот они сегодня празднуют свою победу. Путин тоже наверняка празднует, но про Путина я ничего не знаю, а про этих людей – знаю.

Победу празднуют, конечно, нашисты, герои знаменитой «переписки Потупчик», если помните – «Макбук был комплиментом от Василия» и все такое. Победу празднуют пиарщики «Уралвагонзавода» – так получилось, я знаю некоторых из них, во время прошлых

выборов четыре года назад они занимались маркетингом в социальных сетях – платили деньги тем, кто ставил в своем блоге пользовательской картинкой фотографию Путина, а когда этот бизнес сошел на нет, уехали искать счастья в Нижний Тагил – и нашли, как можно теперь заметить. А тот бизнес, который был у них когда-то – он ожил, переехав в Twitter и Facebook, и торговцы «лайками за копейку» – владельцы медиаагентств, ориентированных на «джинсу» в социальных сетях – я видел их среди сторонников Путина, и они сегодня тоже празднуют победу.

Победу празднуют создатели газеты «Не дай Бог» – авторы комиксов-ужастиков про Россию без Путина, в которой боевой летчик чистит ботинки чернокожему офицеру, а мать-одиночку насилует у ворот сожженного детского сада страшный человек с автоматом. Победу празднует телевизионная начальница, которая на днях рассказывала в своей проповеди, что ей сегодня не хватает Сахарова – вот был бы он жив, поддержала бы его, но поскольку Сахаров умер, то она за Путина.

Победу празднует таблоидный издатель, публиковавший в своем издании содержимое украденных компьютеров и прослушки телефонных разговоров. Победу празднуют голые женщины из календаря «Путин, я хочу тебя». Победу празднует самый популярный в стране певец с гигантским крестом на волосатой груди. Победу празднует программа «Время» и дирекция криминального вещания НТВ.

Да много кто празднует победу. В нашем «креативном классе», которым мы, кажется, даже сами уже стали себя всерьез называть, победу празднует каждый второй. И это трудно объяснить, но именно победа этих людей меня как-то по-настоящему настораживает.

1 марта 2012. Владимир Путин заявил, что во время митингов на следующей неделе может быть убит кто-то из известных людей. Специальный корреспондент ИД «Коммерсантъ» Олег Кашин напоминает, что это не первые выборы, накануне которых власть грозит гражданской войной.

Даже с поправкой на предвыборную риторику, все-таки не каждый день власть анонсирует кровопролитие. «Сакральная жертва», о которой говорит Путин, думаю, после вчерашнего заявления каждый сколько-нибудь заметный участник протестных митингов хотя бы на секунду задумался: черт, а может, это именно о нем? С учетом последней моды можно было бы провести голосование по выбору сакральной жертвы в Facebook, это все, конечно, шутки.

Но Путин ведь не пошутил и даже не сказал, как это сейчас принято, что это его «оценочное суждение». Просто сказал: «Даже ищут так называемую сакральную жертву из числа каких-нибудь известных людей». То есть это как бы факт: Путин знает, что жертву ищут. Знает, но почему-то ничего не говорит о том, как он планирует препятствовать этому дьявольскому плану.

С интонацией фаталиста прогнозирует: «Сами грохнут, извините, а потом будут власти обвинять». При желании это даже можно воспринять как угрозу – Путин произносит слово «грохнут» без каких-нибудь «наверное», «может быть» или «скорее всего». Просто «грохнут» и все. Предвыборная риторика – вещь ненадежная, но я все равно не готов обвинять Путина в том, что он нарочно нас обманывает. Лучше исходить из того, что он говорит правду.

И если он говорит правду, то, извините, получается, что Путин знает о каком-то готовящемся преступлении, но либо сознательно не препятствует его совершению, либо просто не может ему препятствовать, ну, не получается. Оба варианта, согласитесь, Путина совсем не красят.

Но все же это предвыборная риторика, которую нужно воспринимать как предвыборную риторику. И история про «сакральную жертву» очень хорошо ложится в один ряд и с

призывами «умереть под Москвой», и с большим стилем «Народного фронта», и с угрожающим настроением «антиоранжевых» активистов, включая газету «Не дай Бог!»

Подготовка к выборам идет действительно так, как будто это не выборы, а гражданская война, и это даже в каком-то смысле трогательно: в новейшей истории России уже были предвыборные кампании, во время которых о скорой гражданской войне говорили как о решенном деле. Так было в 1996 году, когда пугали Зюгановым и коммунистами, так было в 1999 году, когда пугали Лужковым и Примаковым. И каждый раз, когда предчувствие гражданской войны рассеивалось, вдруг выяснялось, что ничего страшного и не могло быть.

Зюганов оказывался мирным деятелем системной оппозиции, Лужков – не менее мирным лидером «Единой России». Когда одну и ту же страшную историю рассказывают так часто, она перестает быть страшной историей и становится в лучшем случае анекдотом. И когда мы поймем, что никто не умер под Москвой и никто никого не грохнул, можно будет подарить Владимиру Путину замечательную идею для его следующей предвыборной кампании в 2018 году. Пускай он идет на выборы как человек, предотвративший гражданскую войну в 2012-м. Так, по крайней мере, будет оригинальнее, чем теперь.

28 февраля 2012. Все друг у друга спрашивают – «Ты веришь в покушение?» Кто-то верит, кто-то не верит, как будто это имеет какое-то значение. Кажется, никто не понимает главного, никто не понимает, в чем здесь новость, в чем факт. А факт здесь вообще-то не в том, что кого-то поймали в Одессе, а в том, что «Первый канал» об этом рассказывает и говорит, что одесские террористы хотели убить Путина.

Мы не знаем наверняка, готовилось ли покушение, но знаем точно: об этом покушении рассказал «Первый канал» за шесть дней до президентских выборов. Такое очень своевременное покушение.

Мне кажется, это действительно очень спорная история, но спора заслуживают не детали спецоперации в Одессе, а детали информационной спецоперации. В практике российских спецслужб каждый день случается много всего интересного, просто не всегда такие вещи попадают в новости. Мне не очень интересно, что это за террористы и действительно ли у них было задание от Доку Умарова, зато мне интересно, кто решил об этом сообщить, – сам «Первый канал», ФСБ, администрация президента, путинский предвыборный штаб?

Вот если просто подумать – на подконтрольном Кремлю телеканале меньше чем за неделю до выборов возможна такая сенсация без разрешения путинских пиарщиков? Даже не с точки зрения закона, а с точки зрения человеческой морали – создание такого информационного повода с участием кандидата в президенты – это предвыборный трюк или нет?

Я готов настаивать на том, что это именно предвыборный сюжет, и достоверность покушения значения не имеет. Даже если Путина действительно хотели взорвать, накануне выборов такая новость совершенно точно не может существовать вне предвыборного контекста.

«Сегодня на нашего кандидата было совершено покушение. Неизвестный подплыл к нашему кораблю на надувном матрасе, проник на корабль и пытался вот этими ножницами лишить Игоря Владимировича самого дорогого. Жизни. Игорь Владимирович, пользуясь одному ему известными приемами самообороны, обезоружил нападавшего, но получил травму лицевой части головы об стол. А киллер спрыгнул с корабля и уплыл в неизвестном направлении. Пока это все, что мы можем сообщить».

Эту цитату из спектакля «День выборов» вчера уже много раз вспоминали.

Цитате почти десять лет. Уже десять лет назад любая информация о покушении на кандидата накануне выборов воспринималась однозначно как пародия – просто в девяностые политтехнологи слишком любили этот беспроектный трюк, действующий на впечатлительную аудиторию, и я сам прекрасно помню, как перед каждым выборами в моем

городе обязательно находился кандидат, который заявлял, что кто-то пытался взорвать его штаб, и над этим кандидатом все смеялись, потому что город маленький, и все знали – на этого кандидата работают политтехнологи из Москвы, у которых во всех регионах почему-то взрываются штабы.

Я не знаю, правду или неправду говорит «Первый канал» о покушении на Путина, но в любом случае такая новость вызывает те же эмоции, что и «кровь-любовь». Слишком избито и слишком пошло. Если Путина действительно хотели взорвать, у его пиарщиков была прекрасная возможность об этом промолчать. Они этой возможностью не воспользовались.

24 февраля 2012. Несколько лет назад я познакомился с Юрием Анатольевичем Прокофьевым – это был последний руководитель московской организации КПСС, он возглавлял московский горком с 1989 по 1991 год, то есть уже в те времена, когда лидер московских коммунистов не мог считать себя хозяином Москвы, как его предшественники. Хозяевами Москвы тогда, если говорить совсем романтически, были сотни тысяч граждан, которые чуть ли не каждые выходные собирались на Манежной площади митинговать против коммунистов.

Прокофьев рассказывал мне об этих митингах с такой же обидой, как если бы они проходили не 20 лет назад, а вчера вечером. Он говорил, что демократов даже в масштабах Москвы все равно было подавляющее меньшинство, а большинство на самом деле поддерживало коммунистов, и коммунисты, конечно, могли собрать гораздо более массовые митинги, и он, Прокофьев, предлагал такую идею Горбачеву, но Горбачев говорил ему, что митинговать не нужно.

И только за полгода до крушения своей партии Прокофьев, по его словам, уже не спрашивая Горбачева, устроил на Манежной площади митинг в поддержку КПСС и советских порядков. Парторганизации московских и подмосковных заводов собрали полмиллиона людей, люди вышли на Манежную и сказали свое твердое «нет» демократам. Прокофьев до сих пор уверен, что если бы таких митингов было больше одного, то Советский Союз не распался бы.

Митинг, о котором рассказывал Прокофьев, состоялся ровно 21 год назад – 23 февраля 1991 года. Об этом митинге я пытался поговорить и с теми, кто был в то время оппонентами Прокофьева: с тогдашним председателем Моссовета Гавриилом Поповым, с одним из лидеров тогдашней «Демроссии» Аркадием Мурашевым и еще с некоторыми чуть менее знаменитыми демократами, ожидая, что они сейчас расскажут мне что-нибудь душераздирающее о том, как коммунисты сгоняли людей мерзнуть под красными флагами. Но никто ничего мне не рассказал.

Они просто не помнят, они не запомнили, они не обратили внимания на тот митинг, который бывший лидер московских коммунистов и 20 лет спустя считал своей большой политической победой. И я понимаю их – в 1991 году у советских демократов было слишком много всего интересного, чтобы зачем-то тратить внимание и нервы на какой-то там митинг уже почти отошедших в историю коммунистов из горкома КПСС.

У нас все любят играть в исторические параллели, поиграю и я. После путинского митинга в «Лужниках» я прочитал, может быть, сотню заметок, статей и постов в блогах, в которых люди, придерживающиеся антипутинских взглядов, подробно, с фотографиями, видеозаписями и просто пересказами каких-то историй доказывали, что митинг был неправильный, людям платили деньги, людей было меньше, люди расходились еще до выступления Путина, ну и так далее. Такое ощущение, что этот митинг, про который действительно и так все ясно без каких бы то ни было пояснений, для наших оппозиционеров – это главное событие в жизни.

Доказывая, что это был плохой, неправильный, неинтересный митинг, они добиваются ровно того же, чего хотели добиться его организаторы: превращают довольно пустое мероприятие в по-настоящему важное политическое событие. А между прочим демократы, победившие 20 лет назад, ведь еще живы. Можно было бы хотя бы позвонить им и спросить, как они реагировали на тот самый митинг, которым хвастался мне коммунист Прокофьев.

8 июня 2012. До 12 июня остаются последние дни, а Владимир Путин все не подписывает поправки к законодательству о митингах. Молчание Путина производит достаточно сильное впечатление на фоне той спешки, с которой поправки готовились, а потом принимались. Накануне рассмотрения в Госдуме ее спикер Сергей Нарышкин прямо говорил о сроке «до 12 июня», и было понятно, о чем идет речь – никто не знает, чего ждать от нового митинга на Болотной, и желание подстраховаться с помощью увеличенных штрафов и прочей борьбы с «массовым одновременным пребыванием граждан» было даже объяснимо с точки зрения той логики, которой у нас руководствуется власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.